Влюбись в меня под музыку

Автор:
Тори Майрон

Влюбись в меня под музыку

Тори Майрон

Любовь с первой ноты #1

«Держись от него подальше! Он тебе не подходит!» – так мне говорили про Марка Эндрюза – мажора, сына влиятельного бизнесмена, бабника и обладателя одного из самых уникальных голосов. Остановили ли меня предупреждения? Нет. Я влюбилась в его голос, а когда увидела этого сероглазого красавца, пропала окончательно. Но главной моей ошибкой было не полюбить Марка, а наивно поверить, что моя любовь сможет его изменить.Увы, эгоистичные наглецы меняются только в книжках. В жизни они безжалостно топчут женские сердца и портят таких хороших девочек, как я.

Тори Майрон

Влюбись в меня под музыку

Глава 1

Эмилия

Верите ли вы в любовь с первой ноты?

Да, не с первого взгляда или прикосновения, а именно с ноты.

Когда ты ещё не видел человека, только услышал, как его пальцы порхают по клавишам фортепиано, а сердце уже пропустило удар. Один. Второй. Третий. Десятый…

Каждая сыгранная нота, каждый аккорд, наполняющий собой пространство ресторана, нарушает сердцебиение и отдаётся трепетом в душе.

Верите?

Я – да.

Теперь да…

Я поверила с первых же секунд, как слух заласкала минорная мелодия в исполнении неизвестного музыканта. И да… Это именно он. Я была уверена в этом с самого начала, а когда мужчина запел, лишь убедилась.

Боже! Какой голос… Проникновенный, звучный, но в то же время с мягкой хрипотцой. Он пробирает до нутра, поднимая все волоски дыбом. Зачаровывает, примагничивает, будто верёвками обвязывает тело и тянет меня к его обладателю.

Шаг, шаг, шаг… Чем ближе я подбираюсь к музыканту, тем сильнее начинает стучать пульс в висках. Когда же я наконец вижу его, сидящего за роялем в простой чёрной майке, брюках и шляпе федоре, в грудной клетке отчётливо бахает. Нет, не сердце. Кажется, это вся моя сущность взрывается, разлетаясь на разноцветные искры фейерверка.

Это ведь и есть любовь, не так ли?

Когда мир тормозит, законы времени нарушаются, а весь фокус зрения сужается до одной персоны. Когда желудок щекочет, колени подкашиваются, а губы растягиваются в глупой улыбке. Когда ты не знаешь его имени, характера,

увлечений, но уже чувствуешь, что он – именно тот, кто тебе нужен.

Да. Это точно любовь. Стопроцентно. Я знаю.

Сотни раз читала об этом в романах, мечтая когда-нибудь самой ощутить подобные симптомы. И вот я их ощущаю. Совершенно неожиданно. Остро. Находясь в зале ресторана, куда я с родителями пришла поужинать.

– Эми! Вот ты где!

Я вздрагиваю от маминого голоса и будто из транса выбираюсь.

– Куда ты сбежала? Наш столик уже готов. Идём. Оттуда тоже всё будет прекрасно слышно.

Но мне мало просто слышать его. Я хочу видеть. И хочу видеть полностью, а не только половину лица, что видна из-под шляпы. Однако мне приходится последовать за мамой за наш столик, который, как назло, находится в другом конце зала. Я заказываю первый попавшийся на глаза салат, коротко отвечаю на вопросы мамы с папой, особо не вникая в тему их разговора, и наслаждаюсь выступлением певца. Минуты три – самые потрясающие и до безумия короткие. Потом музыкант заканчивает композицию, и посетители ресторана разряжаются аплодисментами. В том числе и я.

Ожидаю, что он начнёт исполнять следующую песню, но увы. К нему вдруг подходит какой-то мужчина в костюме, что-то говорит, и они вместе выходят из зала.

– Эми, ау! Ты здесь?

– Где ты витаешь?

Папа с мамой настораживаются моим рассеянным поведением, но родителей я успокою чуть позже. Сейчас главное – не потерять из виду певца.

Зачем, если я ни за что не решусь подойти к нему первая? Пока не знаю. Но я ни в коем случае не могу позволить ему уйти отсюда раньше, чем хотя бы увижу его

лицо.

– Нигде. Я здесь, но явно что-то не то съела сегодня днём. Не очень хорошо себя чувствую. Я быстро сбегаю в дамскую комнату и вернусь.

– С тобой сходить?

– Не надо, мам. Честно, всё в порядке. Не переживай.

Даже не слушаю, что именно мама отвечает мне взволнованным голосом. Вскакиваю со стула и спешно направляюсь туда, куда ушёл мой красавчик.

Почему я назвала его красавчиком, если мне неизвестно, как он выглядит? Всё просто. После всех тех реакций, которые во мне вызвал всего лишь его голос, не важно, какая у мужчины внешность. Он в любом случае будет казаться для меня красивым. Без сомнений.

Выхожу из зала и осматриваюсь. Слева в нескольких метрах от меня стоит хостес, встречающий новых посетителей. А справа простирается длинный коридор, освещённый приглушённым светом. На данный момент здесь никого нет и довольно тихо, поэтому мне удаётся уловить голоса, раздающиеся вдалеке, и тот факт, что мужчины общаются друг с другом на повышенных тонах.

Клянусь, я никогда никого не подслушиваю и не лезу в чужие дела, но сейчас оставаться в стороне выше моих сил. Ноги сами ведут меня по коридору и тормозят прямо перед поворотом. Прислоняюсь спиной к стене и, затаив дыхание, вслушиваюсь в неприятный диалог мужчин.

– Мы договаривались о другом, Оскар, – цедит музыкант, будто забираясь своим злым голосом мне под кожу. – Ты обещал, что разрешишь мне поиграть до конца вечера.

– Знаю, но я уже сказал, почему тебе нужно уйти. И желательно немедленно. Мне проблемы не нужны.

– Но мы же подписали рабочий договор!

– Подписали, но тогда я ещё не знал, кто ты такой.

– И что с того? Знал или не знал – неважно. Ты не можешь так просто взять и расторгнуть его.

– Могу, выплатив тебе компенсацию.

– И ты готов платить такую сумму? Совсем рехнулся?!

– Я не рехнулся, а мыслю здраво. Для меня это будет в разы дешевле, чем потом откупаться от проблем, которые создаст мне твоё пребывание здесь. Идём, я заплачу тебе, а затем ты свалишь и навсегда забудешь дорогу в мой ресторан, – категоричным голосом рубит владелец сего заведения.

Не вижу мужчин, но мне хватает ощущать агрессивный накал, витающий вокруг них, чтобы на долю секунды подумать, что музыкант вот-вот врежет собеседнику – настолько он заведён в данный момент. Однако стука и хруста челюсти не следует. Лишь глухой голос, полный злости и некого отчаяния, что немыслимым образом передаётся и мне.

– Засунь свои деньги себе в задницу, Оскар. Мне от тебя ничего не нужно! – гневно выдаёт музыкант и срывается с места.

Боже! Он идёт сюда! Быстро. Размашисто. Каждым шагом заставляя моё сердце подпрыгивать к горлу, а меня – судорожно искать варианты, где спрятаться. Но их нет. Остаётся либо бежать отсюда со всех ног по коридору, либо прикинуться дурочкой, сделав вид, будто потерялась в поисках дамской комнаты. Да. Второй вариант лучше. Однозначно.

Однако у меня ничего ни сделать, ни сказать не получается. Только взвизгнуть от страха, когда высокое мужское тело на всей скорости впечатывается в меня. И не просто сносит с ног, но ещё и следом заваливается.

– Ёб твою мать! – ругается он в полете, а я жмурюсь, готовясь к боли от столкновения с полом, но оно почему-то так и не происходит. Я лишь слышу грохот и сдавленные мычания музыканта.

В тотальном непонимании я быстро открываю глаза, чтобы осмотреться, и тут же теряюсь. А точнее, пропадаю в пропасти двух сердитых глаз. Глубоких. Неизмеримых. Ясно-серых. Они затягивают к себе на ледяное дно, при этом окатывая кипятком с головы до ног.

Смотрю в них, словно зачарованная, и чётко ощущаю, как начинаю гореть. Вся. Даже кончики пальцев, которыми я крепко держусь за майку музыканта. И те горят, словно я только что обожглась. А что за сумасшествие происходит с сердцем… Оно будто энергетика перепило и теперь летает в груди как безумное, бьётся о рёбра, норовя выбраться на волю.

Об этом я тоже читала в книгах, но до конца не верила, что такое может быть в жизни. Однако теперь я убедилась, что может. Ещё как может! И влюбиться с первой ноты возможно, и с первого взгляда убедиться, что прекрасней его я ещё никого не видела.

Этот брюнет настоящий красавец. И что удивительно, совсем немного старше меня. А как от него пахнет! Мамочки! Ещё чуть-чуть – и я совсем забудусь и прижмусь носом к его шее.

– Долго ещё пялиться будешь, глазастая? Давай, вставай с меня. И поживее!

Звенящий раздражением голос, словно ушатом воды меня окатывает, пробирая холодом до самых костей. Лишь тогда я замечаю, что лежу не под парнем, а на нём. Оказывается, при падении он умудрился ловко развернуть нас так, чтобы принять весь удар на себя. Заботливый какой. Самый лучший! Даже несмотря на то, что не контролирует тон голоса.

– Ты глухая? Вставай с меня! Сколько мне ещё ждать придётся? – нетерпеливо рявкает он.

– Прости… Я… Я не хотела. Прости.

– Забей. Сам тебя не заметил и налетел. Но давай быстрее двигай булками.

И я двигаю. Как могу, учитывая невероятное по силе волнение. Спешно поднимаюсь на ноги, подправляю подол платья и намереваюсь уже

поблагодарить парня за то, что уберёг меня от боли, но застываю с полуоткрытым ртом.

Потому что он уходит. Вот так просто. Даже не бросив на меня короткого взгляда и не сказав больше и слова. А я пытаюсь успокоить сердцебиение и молча любуюсь его спиной – широкой и быстро отдаляющейся, чувствуя, как грусть свинцовой тяжестью оседает в лёгких.

Певец меня покорил бесповоротно, а я его нисколько не привлекла. Но это и неудивительно. Вокруг него явно постоянно вьются невероятно красивые девушки, до которых мне как до Луны пешком. Не потому, что я страшная. Никак нет. Я вообще считаю, что страшных людей не бывает. У каждого есть свои недостатки и достоинства. У себя к первым я отношу излишнюю худобу, а ко вторым – большие глаза, пухлые губы и неплохую грудь – единственную более-менее женственную часть моего тела. Во всех остальных местах я похожа на несозревшего подростка, который одевается только так, как ему разрешают родители. Стильно, но сдержанно, закрыто и прилично. Иначе из дома выход для меня закрыт. И моё совершеннолетие нисколько не повлияло на послабление этого строгого правила.

Вот и сегодня на мне надето чёрное платье до колен, закрывающее все руки и зону декольте, волосы аккуратно собраны в высокий хвост, а на лице нет ни грамма косметики. Естественно, такой парень, как он, не задержит своё внимание на столь простой девушке, как я. Однако я не собираюсь так просто сдаваться. И я не готова столь быстро прощаться с певцом, пусть даже он был груб и резок. Это неважно. Я ведь всё понимаю. Он очень зол и расстроен после разговора с владельцем. А в таком состоянии иной реакции на столкновение с незнакомкой быть не могло.

Но, возможно, он чуть оттает, если я верну ему потерянную вещь? Замечаю его шляпу на полу недалеко от моих ног и расплываюсь в улыбке.

Вот он – идеальный повод побежать за ним и ещё раз утонуть в его серых омутах. Да только стоит мне выбраться на улицу и осмотреться по сторонам, как радость от предвкушения ещё одного контакта с ним мигом улетучивается.

Музыканта нигде нет. Словно испарился в воздухе. А со мной остался лишь слабый запах его шампуня с нотками ментола, исходящий от шляпы федоры.

Прижимаю аксессуар к носу и, прикрыв глаза, вдыхаю глубоко несколько раз.

Вдох-выдох, вдох-выдох…

Мурашки мощными волнами прокатываются по телу.

Вдох-выдох, вдох-выдох…

Сердце сжимается от ярого желания вновь его увидеть.

Вдох-выдох и ещё один вдох – до отказа наполняющий лёгкие его ароматом – и я предельно чётко понимаю одно…

Я найду этого парня во что бы то ни стало.

Глава 2

Эмилия

Поиски музыканта оказались куда сложнее, чем я рассчитывала. Мне казалось, что встреча с владельцем ресторана, в который я вернулась на следующий день, поможет мне найти грубого похитителя моего сердца, но я ошиблась. Владелец наотрез отказался выдавать личную информацию о своих работниках. Даже о бывших. А после оценил меня ленивым взглядом, явно решил, что я хорошая правильная девочка, и порекомендовал больше не искать этого парня, вне зависимости от мотивов, побуждающих меня это делать.

И да, не стану отрицать, мужчина прав: я хорошая и правильная. Единственная и любимая дочь родителей, которых я слушаюсь всегда и во всём. Прилежная студентка, получившая бюджетное место в Рокфордском университете. Преданная подруга, а также волонтёр в детском доме, где вот уже три года я регулярно восполняю нехватку общения у детей и обучаю их разным ремёслам.

Я люблю свою жизнь и наслаждаюсь каждым прожитым днём, но иногда мне кажется, что я задыхаюсь. От всей этой правильности. От расписанного по пунктам графика дня. От рамок, в которые меня загнала чрезмерная опека родителей. Я будто в клетке живу – тёплой, уютной, спокойной, размеренной, но тем не менее в клетке. И мне жуть как хочется из неё выбраться или хотя бы расширить её границы, чтобы испытать нечто необыкновенное. То, чего не знала прежде. То, что лишь при встрече с музыкантом мне удалось ощутить впервые.

И я жажду испытать эти чувства снова. Все до единого. А для этого мне необходимо найти того парня, образ которого по сей день преследует меня. Во снах. Наяву. Везде. Всегда. Вот уже две недели я постоянно думаю о нём и вспоминаю чарующих голос, мечтая ещё хоть раз услышать его вживую.

Я пыталась найти его музыкальные видео на YouTube или профиль в соцсетях, но сделать это, не зная имени, невозможно. Я всё испробовала. И всё обыскала. Все уши прожужжала об этом музыканте моей подруге Ники. Успела несколько раз погрустить и пару раз позлиться. А когда уже почти смирилась с тем, чтобы больше никогда его не увижу, вселенная решила удивить меня самым немыслимым образом.

Отсидев все пары, я выхожу из универа и тут же замираю на вершине ступеней, потому что даже издалека среди толпы снующих туда-сюда студентов узнаю моего музыканта.

Это он!

Точно он.

Такой же красивый, высокий, потрясающий, спортивный… Насчёт последнего я убедилась, ещё когда лежала на нём в ресторане, а сейчас лишь убеждаюсь. Широкие плечи, мускулистые руки, рельеф мышц чётко заметен даже сквозь майку. Музыкант одет слишком легко для середины марта, а, значит, он ещё и чертовски горячий.

Ох, боже! Ноги становятся ватными, в горле пересыхает. Порочные мысли с ним в главной роли порабощают сознание, и низ живота напрягается.

Если бы мои родители прознали о чём я частенько фантазирую, особенно, когда уединяюсь в своей комнате за просмотром видео для взрослых, их обоих схватил бы удар. Но, к счастью, они даже не догадываются о моём секрете, наивно пологая, что я – всё та же маленькая девочка, которую интересуют исключительно книжки и игрушки.

И то и другое, безусловно, присутствует среди моих интересов. Просто книжки теперь с пометкой 18+, а игрушки работают на трёх батарейках. Не классические вибраторы, конечно, ведь я ещё девственница, но стимулятор клитора и массажёр у меня имеются.

Однако я уверена – ощущения от их воздействия не идут ни в какое сравнение с ощущениями, что подарил бы мне этот красавчик. Только он и никто больше. На других парней мне всегда было плевать. Не торкали – и всё тут. А от этого с головой накрыло. Аж самой страшно. И в то же время меня захлёстывает восторгом, из которого меня вдруг выбивает толчок в плечо.

– Ой, прости, я нечаянно, – извиняется невысокая девушка, виновато улыбаясь.

Я улыбаюсь в ответ, заверяя, что ничего страшного, и вновь перевожу взгляд на музыканта. И, видимо, гораздо более трезвый взгляд, что позволяет мне увидеть не только предмет своего воздыхания, но и рядом с ним стоящую девушку. И не абы кого, а мою лучшую подругу Николину.

Мои глаза округляются, а вслед за ними и рот. Я даже несколько раз моргаю, чтобы убедиться, что меня не глючит. Но нет. С музыкантом беседует блондинка в мешковатой одежде и с капюшоном на голове. Свою родную пацанку я ни за что ни с кем не спутаю. Это точно Ники.

Значит, она знакома с парнем, о котором я ей ныла, пока целые две недели тщетно искала?

Вот это поворот! Как такое возможно?

Мне требуется минута, а, может, и больше, чтобы переварить сей поразительный факт, а затем наконец заставить себя отмереть и на трясущихся ногах начать спускаться по ступеням.

Господи! Я сейчас с ним познакомлюсь. При нормальных обстоятельствах, а не как в ресторане. Что мне сказать? Что скажет он? Как я выгляжу? Не помята ли блузка? Расчесаны ли волосы? Вкусно ли я пахну? И самое главное – понравлюсь ли я ему?

Чуть ли не морщусь от зудящего роя вопросов в голове, но продолжаю путь к своему музыканту, расправив плечи и пытаясь успокоиться. Да только нервы лишь больше натягиваются, когда вижу, что мой красавчик начинает уходить.

– До встречи на боях, Никс! Очень надеюсь, что ты придёшь за меня болеть! – кричит он на прощание и расплывается в очаровательной улыбке.

Боже! Вот это улыбка! Я готова душу продать или почку отдать, лишь бы он хоть раз так же улыбнулся мне. А, судя по недовольному лицу Ники, она моего мнения явно не разделяет.

– Если я и приеду, то только ради того, чтобы полюбоваться, как тебе расквасят рожу, – цедит она, скрестив руки на груди.

– Я тебя тоже люблю!

– Пошёл ты.

Игнорируя грубую реплику Ники, парень быстро подходит к спортивной машине ценой, наверное, как весь мой фамильный дом. Садится в неё и резко срывается с места.

Вот тебе и познакомились! Ну как же так?!

– Ники, привет, – с трудом оторвав взгляд от отдаляющегося автомобиля, обращаюсь к подруге.

Она чуть вздрагивает от неожиданности, а после расцветает в приветственной улыбке.

– Привет, Эми. Ты тоже уже закончила учёбу? – она обнимает меня.

– Тоже?

– Да, я жду Остина. Он должен выйти с минуты на минуту.

Точно. Со всеми бесконечными мыслями о музыканте я совсем забыла, что лучший друг Ники, в которого она с самого детства тайно влюблена, тоже учиться в Рокфордском университете. Только не на первом курсе юрфака, как я, а на последнем курсе информационных технологий. Остин – компьютерный гений. И это мягко сказано.

– Кто это был, Ники?

– Ты о ком?

– О том парне, с которым ты разговаривала.

– А-а, ты о Марке, – с недовольством выдыхает она, а у меня сердце замирает.

Я наконец узнала его имя.

Ма-а-арк.

Идеальное. Как и весь он.

– Этот придурок лучший друг Остина. Терпеть его не могу. Но, как назло, ему нужно было припереться в универ именно в тот день, когда мы с Остином договорились здесь встретиться.

– Подожди… Ты хочешь, сказать, что Марк учится здесь? – в неверии уточняю я.

– Да.

Что?! Да не может быть!

– Почему тогда я его ни разу здесь не видела?

– Потому что он появляется здесь в лучшем случае раз в месяц, – Ники закатывает глаза.

– А о каких боях он говорил?

– О тех, что каждый месяц проходят у нас в Энглвуде.

– Марк будет там драться? – пугаюсь не на шутку.

Не только потому, что меня всегда устрашали такие виды спорта, как бокс или UFC, но и потому что я помню рассказы Ники о районе, в котором она живёт. Это ужас. Мороз по коже.

– Да, будет. И я очень надеюсь, что ему наваляют по полной.

– Боже! Не говори так, Ники. Никогда нельзя никому желать зла, иначе оно вернётся к тебе в двукратном объёме.

– Так разве я ему зла желаю? Я тебя умоляю. Я просто хочу, чтобы Марк получил по заслугам, – фыркает, а затем вдруг устремляет на меня озадаченный взгляд. – Я не поняла… Откуда такой интерес к его персоне? Только не говори, что этот урод тебе понравился.

– Он не урод.

Далеко не урод. Ни в каком месте не урод.

– Ещё какой урод, Эми. Уж поверь мне, за его внешностью нет ничего хорошего. Одно сплошное дерьмо, которое ежедневно рвётся наружу. Поэтому, будь добра, вычеркни его образ из памяти. Тебе это не нужно.

Нет, не нужно, а жизненно необходимо.

– Я не могу вычеркнуть его, Ники, – на выдохе произношу я.

– Это ещё почему?

– Потому что он и есть тот самый музыкант, о котором я тебе говорила.

Ники замирает на несколько секунд, хлопая округлившимся глазами, а затем прыскает раскатистым смехом.

– Марк? Музыкант? – хохочет она, запрокидывая голову. – Более нелепых заявлений я ещё не слышала.

– Я серьёзно, Ники. Он и есть тот певец, в которого я влюбилась в ресторане.

– Да нет же. Этого не может быть, Эмилия. Ты, должно быть, ошиблась. Обозналась. Или ещё чего.

– Нет. Я не обозналась. И не ошиблась. Это он. И я очень хочу, чтобы ты меня с ним познакомила. Может, даже взяла с собой на эти бои. Да, это будет идеально! – с воодушевлением выдаю я, и смех Ники мгновенно сходит на нет.

– Забудь об этом, Эми, – высекает она, помрачнев. – Умоляю, забудь! Как о Марке, так и о том, чтобы появляться в Энглвуде. И уж тем более на боях.

– Но почему? Я этого так хочу! Пожалуйста, возьми меня с собой, Ники. Умоляю.

Ведь это будет потрясающей возможностью проявить себя во всей красе. Сначала я поболею за Марка, морально поддержу его, а после пожалею и поухаживаю за ним. Тогда он точно обратит на меня внимание. Без вариантов.

– Нет! Даже не проси.

– Ну пожа-а-алуйста.

– Нет. Это опасно, Эми.

– Но я же буду с тобой. Ни на шаг не отойду.

– Нет. Если с тобой что-нибудь случится, я никогда себя не прощу, – отрезает она категоричным тоном.

Блин! Похоже, жалобными просьбами подругу не проймёшь. Нужно переходить к другому способу, который в общении с людьми, и уж тем более с близкими, я не приветствую, но, к сожалению, вариантов нет. Иначе Ники не согласится, и я упущу, вероятно, единственную возможность обратить на себя внимание Марка.

– Либо ты пойдёшь со мной на бой, либо я пойду одна. Третьего не дано, – заявляю я твёрдым голосом, вынуждая Николь разинуть рот.

И её удивление понятно. Я никогда не разговаривала с ней так. И ни разу не выдвигала ультиматумов. Но чего только не сделаешь ради встречи с любимым.

– Эми, ты будешь жалеть об этом. Он разобьёт тебе сердце, – продолжает взывать к моему разуму Ники, но у неё ничего не выйдет.

Я никогда не сужу о людях, основываясь на словах других людей. Я никогда не верю слухам и не делаю скоропалительных выводов. Я живу чувствами. А их во мне с недавних пор так много, что я не знаю, как с ними совладать.

Я хочу увидеть Марка. Хочу его узнать. И хочу, чтобы он узнал меня.

И даже если потом я буду жалеть о своём решении. Да будет так. Я готова к этому.

Моя душа жаждет любви, страсти и головокружительных приключений. И что-то мне подсказывает, что мой красавчик Марк сумеет мне всё это обеспечить.

Глава 3

Эмилия

Я жаждала приключений. И я-таки их получила. Да только совсем не те, что я представляла в своих мечтах.

Всё началось с продолжительных уговоров родителей отпустить меня из дома после захода солнца. Естественно, я и слова не сказала о подпольных боях в самом преступном районе Рокфорда, ибо… ну, вы сами понимаете, чем бы моя честность закончилась. Я заверила родителей, что поеду к сокурснице готовить доклад, а к одиннадцати вечера вернусь на такси обратно, и мне повезло. С превеликим трудом и недовольством они-таки меня отпустили.

Однако выдохнуть с облегчением не получилось, ведь о каком облегчении могла идти речь, если меня ожидала поездка в Энглвуд? Страх ни на секунду меня не отпускал, даже несмотря на дикое желание встретить Марка. А стоило мне вместе с Ники добраться до места, где проходили бои, и своими глазами увидеть соперника Марка, как сердце от ужаса упало к пяткам и наотрез отказывалось возвращаться на место.

Я аж пискнула, увидев жуткого лысого гиганта. Он разминался перед боем и будто дождаться не мог, когда переломает все кости моему музыканту. Его грозный вид напугал меня даже больше шума, гама, ора, грязи, вони и сотни навевающих страх мужчин и женщин, окружающих нас со всех сторон.

Я мёртвой хваткой вцепилась в руку Ники так, словно она – моё единственное спасение, и раз сто мысленно поблагодарила подругу за то, что она уговорила меня одеться максимально просто и невзрачно.

Я хотела нарядиться, чтобы наверняка понравиться Марку, но, слава богу, желание остаться живой и необворованной взяло верх над разумом. В чёрном спортивном костюме и таком же чёрном пальто я хоть как-то смогла слиться с толпой местных жителей Энглвуда, ощутив себя капельку безопаснее.

Жаль, того же я не могу сказать сейчас, когда мы врываемся с Ники в какой-то грязный клуб, утонувший в сигаретном дыму и запахе пота. А всё потому, что Марк почему-то не явился на бой, а вместо него на ринг вышел Остин.

Николина как увидела друга рядом с тем страшным гигантом, так чуть с ума не сошла от паники. Она никогда ничего не боится, но в этот раз аж побледнела, наверное, больше, чем я. Причина тому серьёзные травмы Остина, которые он получил год назад в таком же бою. Любой удар мог оказаться для него последним. Но, к счастью, мои бесконечные мольбы были услышаны. Он уцелел, победив в поединке. Однако ни я, ни Ники долго порадоваться его победе не

смогли.

Я – потому что меня тревожил вопрос, где Марк и почему он не пришёл драться? А Ники – потому что она в буквальном смысле озверела от злости и, узнав от одного мужика местоположение Марка, рванула в клуб. А я, понятное дело, последовала за ней, потому что на тот момент уже умирала от страха. Не только от всей окружающей меня атмосферы, но и за жизнь Марка. Никогда не видела подругу настолько яростной. Кажется, если Ники встретит его, она его убьёт, не колеблясь.

– Николь, мне кажется, тебе нужно успокоиться, – я не говорю, а выдавливаю слова сквозь боязливый стон, и ещё ближе жмусь к Николине.

– Молчи! Я предлагала тебе уехать домой, ты отказалась, поэтому теперь не мешай! – рявкает она и тащит меня за собой через обкуренный зал, бесцеремонно расталкивая людей. Судя по их грозным лицам, они с лёгкостью могут нас обеих зарезать в ответ на её грубое поведение.

Господи! Что же она вытворяет?! Мы умрём. Мы все сегодня умрём.

И когда мы добираемся до другого конца клуба, так оно и происходит. По крайней мере, для меня.

Я замечаю Марка, и обезумевшее от страха сердце останавливается.

Он цел и невредим. Какое счастье! Потрясно выглядит. Загляденье! А вот тот факт, что он вальяжно сидит за столиком на отдельном возвышении и как ни в чём не бывало улыбается полуголой блондинке, причиняет боль и конкретно выбешивает. До скрежета зубов. До рефлекторно сжавшихся кулаков и тремора. Однако неуместная ревность порабощает меня всего на миг. После в груди опять не остаётся ничего, кроме леденящего страха.

– Что за дерьмо?! – шипит Марк, жмуря глаза. – Жжёт, бля*ь, с-с-сука, какого хрена?!

Мой красавчик продолжает грязно материться, пока я тем временем пытаюсь осмыслить, что Ники подбежала к нему и плеснула коктейлем в лицо.

– Это ты редкостное дерьмо, Эндрюз! – яростно выплёвывает подруга и вдруг со всей силы бьёт Марка. И нет, не ладошкой по щеке, а кулаком в челюсть.

Мама дорогая! Да она с ума сошла!

– Николь! Что ты творишь?! – ухватившись руками за голову, кричу я, но не узнаю свой голос, а Ники и не думает обращать на меня внимание.

Она повторно замахивается, чтобы нанести второй удар, но в этот раз реакция Марка не подводит. Он резко вскакивает с дивана, хватает Николь за плечи и толкает её, словно пушинку, на несколько метров назад, в стену.

– Ты совсем озверела?! Ты что творишь, идиотка?! – рычит он, встряхивая головой и стирая с лица сползающие капли напитка.

– Это ты что творишь?! Остин дерётся вместо тебя, пока ты тут девок клеишь и всякую гадость в себя заливаешь! – Ники вновь подлетает к Марку, но тот с лёгкостью прибивает её обратно к стене.

– Что за бред ты несёшь, дура?!

– Всегда знала, что ты тряпка, но не думала, что пошлёшь друга драться за себя!

– Ты что, мозги себе отморозила? – Марк одной рукой сжимает её скулы, второй удерживает оба запястья, не позволяя ей ударить. – Никого я никуда не посылал! Я очнулся полчаса назад! Сегодня даже не видел Остина. Так что не неси чушь, Никс!

– Он рисковал и дрался вместо тебя, мудак! Каждый на улицах знает нерушимое правило: если вызвал кого-то на бой, обязан явиться, пусть даже ползком на четвереньках!

– Не забывайся, Никс, я не с ваших улиц и никому ничего не обязан! – сквозь сжатые зубы произносит Марк.

Они продолжают ругаться и спорить, но я толком не слышу их разговора. Судорожно пытаюсь найти способ уговорить Ники поскорее уйти отсюда. Мне

страшно. По-настоящему страшно. Я боюсь, что их потасовка может кончиться плачевно. Ники не в себе. Марк тоже на взводе. Их нужно остановить, пока не случилась трагедия.

Не знаю, каким образом я заставлю тело отмереть, а свои дрожащие ноги – слушаться меня, и резво подбегаю к ним.

– Николь! Марк! Пожалуйста, успокойтесь! – умоляю я и в желании их разнять укладываю одну ладонь на плечо Ники, а вторую на Марка.

И как только делаю это, меня опять будто молнией насквозь шарахает. Мурашки по всему телу пролетают, щекоча и будоража каждую молекулу. Я замираю, а вслед за мной замирает и время, когда мы с Марком встречаемся взглядами.

– Это ещё кто? – продолжая удерживать Ники, он пристально разглядывает меня от силы секунды три, но для меня они кажутся бесконечными и в то же время невыносимо короткими. – Какое прелестное создание. И какое-то знакомое. Мы с тобой нигде не встречались? – более мягким голосом спрашивает Марк.

А я так напугана сейчас, что однозначно не в состоянии пересказывать ему историю нашей первой встречи. Я хочу выбраться отсюда. Немедленно. Всё остальное второстепенное.

Перевожу взгляд на подругу и умоляюще смотрю на неё.

– Николь, пожалуйста, давай уйдём отсюда.

В этот раз её лицо меняется в ответ на мои слова. Она будто только сейчас вспоминает, что всё это время я находилась с ней рядом.

– Отпусти меня! – немного придя в себя, требует Ники у Марка.

– Без проблем отпущу, но сначала извинись!

– Ты охренел, Марк?!

– Давай-давай, извиняйся! Подлетела, набросилась без причины и объяснений, напугала мою подругу и свою, между прочим, тоже, – серый взгляд вновь оценивающе скользит по мне, опаляя кожу и воспламеняя каждый мой нерв. – А теперь ещё что-то просишь? Кто охренел, так это ты! Причём уже давно. Если бы не Остин, мы бы сейчас разговаривали иначе. Так что извиняйся и расходимся!

– Пошёл к чёрту! Были бы мои руки свободны, вмазала бы ещё. И не раз! – не успокаивается Николина, за что мне самой уже хочется дать ей по голове.

– Ники, пожалуйста, скажи, что он хочет, и уйдём, – пытаюсь призвать её к благоразумию, и тут же теряю его сама, стоит Марку в очередной раз перевести на меня взгляд.

– Послушай свою не только красивую, но и умную подругу. Кстати, как тебя зовут, милая? – мой красавчик расплывается в очаровательной улыбке, моментально покоряя меня своим обаянием. Даже страх на второй план отгоняет.

Поразительно! Он, должно быть, волшебник.

– Эмилия, – отвечаю дрожащим голосом.

– Приятно познакомиться, Эмилия. Я Марк. Пока наша строптивая пацанка раздумывает над словами, которые я хочу услышать, могу ли я тебя тоже кое о чём попросить? – вкрадчиво спрашивает он, запуская отряд мурашек по моему позвоночнику.

Он? Хочет? Попросить? Меня? О чём-то? Здесь и сейчас? В этом сосредоточении пьянства и опасности, откуда я хочу сбежать и никогда сюда не возвращаться?

Но я не могу этого сделать. Не могу убежать и упустить возможность познакомиться с Марком. Я ведь ради него впервые вынудила лучшую подругу сделать так, как мне хочется. Ради него я впервые так сильно обманула родителей. Ради него я наплевала на безопасность, приехав на бои в самый жуткий квартал Энглвуда. И ради него я сейчас нахожусь в ещё более жутком подземном клубе, в котором каждая минута моей жизни может стать последней.

Он – моя цель. Моя конечная станция. И я должна до неё добраться, несмотря ни на что. Обратно отступать уже поздно.

– Проси.

Глава 4

Марк

Вот это глазищи!

Большие, напуганные, карие с длинными пушистыми ресницами, что с лёгкостью заметны даже в приглушённом свете клуба. И это учитывая, что на глазах девчонки ноль косметики.

Прикольно. Никогда такие не видел. Хотя нет… Вроде видел, только никак не могу вспомнить, где и когда. Нужно будет узнать у Эмилии, где именно мы сталкивались с ней. В постели точно нет. Я пусть и любитель одноразового секса, но ещё ни разу не забывал лица девушек, с которыми трахался. Даже когда трахался в умат пьяный. С этой девчушкой у меня точно ничего не было. К слову, пока не было. Но для начала необходимо её хоть немного успокоить, а то у бедняжки такое лицо, будто ещё немного – и она свалится в обморок.

– Приятно познакомиться, Эмилия. Я Марк. Пока наша строптивая пацанка раздумывает над словами, которые я хочу услышать, могу ли я тебя тоже кое о чём попросить? – чуть наклонившись к ней, вкрадчиво произношу я, производя на девчушку должный эффект.

Кадрить девчонок мне ничего не стоит. Всего-то достаточно милой улыбки, пары комплиментов и… ну, в принципе, на этом всё. Обычно больше мне ничего делать не приходится. Они как-то сами тают и идут на контакт. Вот и эта милашка не становится исключением.

Она замирает и так смотрит на меня, словно я центр её вселенной. Я даже теряюсь немного. Нет, не то. Не теряюсь. Я ведь никогда этого не делаю. Скорее удивляюсь такому благоговейному взгляду этих карих шайб. Девушки, конечно, часто проявляют свою симпатию ко мне, но чтоб так… не припомню.

– Проси, – выдыхает милашка-инопланетянка, и я улыбаюсь, а в паху неожиданно ощущается напряг.

Всему виной не только её приятный голос, но и губы. Манящие, пухлые, розовые, гармонирующие с её здоровенными глазами. Ё-моё! Да такой рот точно был создан, только чтобы его целовали да член внутрь совали. Он обалденный. Идеальный. И что самое крутое – натуральный. Гиалуронку я и за километр научился распознавать – настолько много девушек её себе вкалывают. А у Эмилии всё своё. На лице, по крайней мере. Но думаю, что и под этим чёрным тряпьём у милашки всё естественное. Уж больно она правильной выглядит. И совершенно неподходящей этому притону, в который Никс какого-то хера её притащила. Дура безмозглая! Подвергла подругу опасности, напугала её до полусмерти и всё успокоиться не может. Кошка бешеная!

– Не бойся и не трясись так. Пока ты со мной, тебе ничего не угрожает, так что успокойся и выдохни, – мягко проговариваю я девчонке и фигею нехило, видя, как Эмилия мгновенно перестаёт так сильно дрожать, а её дыхание становится ровнее.

Какая послушная девочка, однако. Давно таких не встречал. Мне нравится. А вот её неугомонная подружка меня уже капитально бесит.

Мы с Николиной никогда не ладили и вряд ли хоть когда-нибудь поладим. Эта мелкая неотёсанная дикарка для меня в точности, как и для Остина – что-то типа младшей сестры-хулиганки. Только разница в том, что Остин вечно оберегает и защищает Никс, а я её прибить при каждой встречи желаю.

Выводить эта стерва умеет мастерски. И драться – тоже. Рука у неё тяжёлая. Моя челюсть заценила. Причём уже не единожды. Однако ещё раз ударить себя я этой драчунье не позволю. Пусть вырывается и кричит, сколько хочет. По*уй. Пока не извинится за беспочвенный наезд, с места не сдвинется. Я могу удерживать её хоть до самого утра.

И я, правда, собирался вжимать её в стену, сколько потребовалось бы. Но увы, в следующий миг меня кто-то хватает за рубашку и резко отрывает от Никс.

– Ты какого чёрта творишь?! – доносится твёрдый, звучный голос Остина.

Ну естественно. Кто ж ещё мог примчаться этой дуре на помощь?

– О-о, а вот и братец объявился! – скрыв раздражение под напускным весельем, восклицаю я.

Но друг не разделяет моей радости. Он хватает меня за воротник и несколько раз встряхивает.

– Повторяю: какого хрена ты делаешь ей больно?! Ещё не протрезвел?! Я тебе сейчас быстро помогу!

– Стоп, стоп, стоп! – поднимаю руки вверх в знак капитуляции. – Не кипятись, друг, я точно пока ещё никому больно не делал. Это твою защитницу нужно опасаться. Ей сегодня подраться приспичило, я лишь отбивался.

Тщательней всматриваюсь в побитое лицо Остина, и моя неуместная улыбка быстренько исчезает. Ещё один дурак нашёлся. Какого чёрта он попёрся на бой, если знает, чем это для него могло закончиться?

– А ты, как погляжу, в самом деле полез в драку. Вроде бы из нас двоих я – тот, кто любит совершать необдуманные поступки.

– Так и есть, ничего не изменилось, – после недолгой паузы отвечает Остин и наконец выпускает меня из захвата.

– Не очень в этом уверен, но в любом случае рад, что ты жив и здоров, – поправляю ворот рубашки и хлопаю Остина по плечу, краем глаза замечая, как Никс опять планирует меня атаковать.

Благо Остин быстро реагирует и перехватывает драчунью.

– Вот о чём я тебе и говорил. Она сегодня совершенно невменяемая.

– Лучше быть невменяемой, чем таким ничтожеством, как ты!

– Слушай, засунь эту боксёршу в клетку, пока она тут всем лица не поотбивала.

– Помолчи, Марк, а ты успокойся! И быстро на улицу! – рявкает Остин, явно теряя терпение.

– Дай его прибить сначала!

– Да успокойся же ты, Николина! Идём на улицу!

Разумеется, Никс не слушается. Послушание вообще не её конёк. Остин обхватывает мелкую пацанку и выносит её на улицу сам.

– Побудь с девчонкой, Марк, и не твори глупостей! Я скоро вернусь, – бросает перед уходом Рид, указывая на молчаливую милашку.

– Какие глупости? Ты что? Я – сама серьёзность, – усмехаюсь и, вновь расплывшись в своей фирменной улыбке, встречаюсь взглядом с Эмилией.

На её лице отображается растерянность, но в глазах при этом горит упрямая решимость. Интересная девочка. Необычная. Цепляющая. И навевающая много вопросов, которые я прямо сейчас ей задам.

Глава 5

Марк

– Как же так получилось, Мили, что мы с тобой ни разу раньше не встречались? – усаживаюсь на диван и жду, что девчонка сделает то же. Однако она так и продолжает стоять на месте, растерянно хлопая ресницами.

– Мили?

– Да, мне кажется, тебе очень подходит. Тебе не нравится?

– Нет… Нет, просто… Меня так никто никогда не называл.

– И это замечательно. Обожаю быть первым, – многозначительно ухмыляюсь, но Мили не улавливает двусмысленности фразы. Расплывается в ответ в донельзя милой улыбке и прикусывает нижнюю губу, чем чертовски меня заводит. Аж хренею от напряжения в паху. Член так стоит, будто я и не трахался сегодня утром.

– Ты так и будешь стоять? Или всё-таки присядешь?

– А твоя подружка не вернётся?

– Моя подружка? – вскидываю брови.

– Да. Та девушка, с которой ты общался до нашего прихода. Разве ты не собирался провести этот вечер с ней?

Собирался. Но сейчас я даже рад, что та блондинка испугалась нашей потасовки и свалила самостоятельно. Не хотелось бы на глазах у Мили искать способы тактично отвязаться от ненужной компании.

– Забудь о ней. Она моя давняя знакомая. Мы просто разговаривали. Но, как видишь, её больше здесь нет. Присаживайся. Я не кусаюсь.

Мили слабо улыбается, с опаской осматривая пошарпанный диван, но всё-таки решается сесть на самый край. Меня не устраивает полутораметровая дистанция между нами. Бесцеремонно умещаю руки на её талию и рывком притягиваю милаху к себе.

– Ой, ты что? – девчонка упирает ладонь в мою грудь и округляет свои потрясающие глазищи.

– А что я? Всего лишь ближе тебя притянул. Рядом со мной на тебя будут меньше пялиться. Уж слишком ты выделяешься на фоне всей массы людей этого заведения.

– Но ты тоже выделяешься, – отмечает очевидный факт.

– Да, но меня тут уже многие знают, поэтому рядом со мной тебе будет в разы безопаснее.

И это правда. Милашка не подходит этому жуткому месту. Совершенно. Слишком чистая, хорошо одетая и невинная. Ей нельзя быть здесь. Это опасно. Однако увести её прочь я не могу. Я не трезв, сесть за руль не в состоянии, да и бросил машину неизвестно где, а без транспорта на улице ещё опасней, чем здесь.

Конечно, я мог бы вызвать такси и отправить девочку домой, подальше от меня и всей энглвудской грязи, но не хочу так быстро отпускать её. Нравится она мне. Волосы у неё красивые, длинные, тёмные, как я люблю. Пахнет вкусно. Не приторно, не едко. Кажется, на ней вообще нет духов. И смотрит так доверчиво, с долей восхищения, словно всю жизнь мечтала о встрече со мной… И как тут устоять?

– Ну так что? Расскажешь мне, где пряталась от меня так долго? – склонив голову на бок, спрашиваю я.

– Я нигде не пряталась.

– Получается, это Никс скрывала тебя от меня? Давно вы с ней дружите?

– Несколько лет. Мы с ней вместе в детдоме проводим время с детьми. Там же и познакомились.

– Понятно. То-то я думаю, где Никс могла найти такую подругу, как ты.

– Какую такую?

– Такую непохожую на неё.

– Противоположности притягиваются. Слышал об этом?

А я не только слышал. Но и чувствую это на собственной шкуре прямо в этот момент. Тянет к этой милашке не по-детски. С каждой секундой всё сильнее. И это нехорошо. А если уж быть совсем точным – херово. Для неё в первую очередь. Ведь Мили не вписывается не только в окружающую нас атмосферу, но и в мою жизнь. В неё вообще ничего не вписывается.

Я рушу, ломаю, порчу и пачкаю всё, к чему прикасаюсь. И этого ангелочка я тоже испорчу, если не сумею угомонить свои гормоны. А они уж больно бурно реагируют на её близость. И это срочно нужно брать под контроль.

Только сделать это ух как не просто, пока она сидит впритык ко мне и по-прежнему касается моей груди ладонью, даже не думая её убирать.

Накрываю тёплую руку Мили своей, и милаха вздрагивает, тихо выдыхает. Спускает взгляд с моего лица ниже и зачарованно смотрит, как я поглаживаю её длинные тонкие пальцы.

Воображение вмиг рисует картину, как прекрасно они смотрелись бы на… нет, не на моём члене, хотя и там было бы отлично. Но ещё лучше они смотрелись бы во время игры на фортепиано. Представляю, как они изящно порхают по клавишам, и возбуждение возрастает, как минимум, вдвое. Контроль трещит по швам. Я реально задумываюсь о том, чтобы нарушить данное Остину обещание и сотворить глупость с Мили прямо сейчас. Однако мелодичный голос девочки, к её счастью, приглушает эти неправильные мысли.

– Мы с тобой уже встречались, Марк, – заявляет милашка, и я хмурюсь. – Несколько недель назад. В ресторане. Ты там выступал, а я ужинала с родителями. А потом ты упал на меня… Или я на тебя. Ну, сначала ты на меня налетел, а потом я упала на тебя. Но это неважно. Ты всё равно вряд ли вспомнишь… Это была мимолётная встреча. И ты был очень расстроен, – Мили заканчивает торопливо бормотать, и я улетаю мыслями в тот вечер, когда я был не просто расстроен, а готов был разнести в пух и в прах весь Рокфорд.

А всё благодаря одной редкой сволочи, которая в очередной раз вставила мне палки в колёса, пригрозив Оскару крупными проблемами, если он не уволит меня

немедленно. Я даже до конца вечера выступить не смог. Что тогда, что вчера вечером в другом заведении, из-за чего после надрался так, что не помню ни где был, ни с кем, ни что вытворял. Радует, что очнулся утром в своей квартире целым и невредимым с какой-то бабой в постели. Потрахался, а потом опять решил забыться с помощью алкоголя. Да так смачно сделал это, что проспал бой в Энглвуде, очнувшись в этом клубе не более часа назад.

– Нет, я помню тебя, Мили, – вынырнув из неприятных мыслей, со слабой улыбкой отвечаю я и, между прочим, не вру.

Да, до этого момента встреча с ней никак не отпечаталась в моей памяти, но теперь я вспомнил это короткое столкновение. А точнее, большие взволнованные глаза. Они тогда смотрели на меня с тем же восторгом, с каким смотрят сейчас.

– Помнишь?

– Конечно. Не каждый день я сталкиваюсь с такими милашками, как ты.

И, чёрт побери, я опять не вру ей. Ясное дело, ежедневно я сталкиваюсь с разными девушками, но всегда стараюсь избегать правильных скромняшек, которые, прям как Мили сейчас, ярко краснеют почти от любой сказанной мной фразы. Не люблю таких. С ними обычно до жути скучно и в постели каши не сваришь. Я предпочитаю раскрепощённых женщин, которые не стесняются своих желаний и не строят из себя недотрог.

Тогда какого чёрта я продолжаю общаться с этой девочкой? Она ведь стопроцентно не сможет дать мне то, чего я от неё хочу.

– Ты можешь ответить на один вопрос? Но только ответить честно? – чуть взволнованно спрашивает милашка, заинтриговывая меня.

– Конечно.

– Обещаешь? Вне зависимости, будет ответ хороший или нет?

– Ты меня пугаешь, – усмехаюсь. – Задавай, давай. Мне скрывать нечего.

– Ты преступник, Марк? – выдаёт Мили, вынуждая меня опешить.

Такого вопроса я точно не ожидал. К слову, не помню, когда хоть одной девушке удавалось удивить меня хоть чем-то.

– Преступник? – посмеиваюсь. – А что, похож?

– Нет.

– Тогда с чего ты такой вывод сделала?

Мили заминается и опять прикусывает, сука, свою чувственную губу, будто набираясь смелости.

– Ты прости меня, но я подслушала твой разговор с владельцем ресторана.

– Вот, значит, как? – ещё раз удивляюсь. И на сей раз далеко не в приятном смысле.

У этой милашки слишком длинный нос. И она всунула его в тему, о которой я никому, кроме Остина, никогда не рассказывал.

– Да, прости. Так получилось, – смотрит на меня с щенячьим сожалением. – А потом я увидела твой спортивный автомобиль. Такой далеко не каждый музыкант может себе позволить. Да и выглядишь ты не так, как все остальные в клубе, пусть и считаешься здесь своим. Одни часы на запястье чего стоят. Вот я и предположила, что ты можешь зарабатывать нечестным путём.

– Ничего себе, как ты всё связала, – выдыхаю вместе со смешком. – И машину заценила, и цену часов за секунду определила, ещё и подслушать мой разговор умудрилась. Должен ли я ещё что-то знать о тебе?

– Нет. Я во всём призналась. Но только не подумай, что я тебя преследовала. Машину я случайно увидела, когда ты садился в неё возле универа, а стоимость этих часов я знаю только потому, что у моего папы такие же.

– А как подслушивание своё оправдаешь? – недобро прищуриваюсь. – Ты в курсе, что так делать нехорошо?

– Конечно, в курсе. Прости. Я обычно так не делаю.

– А почему тогда сделала?

– Ну… просто… так получилось…

– Исчерпывающий ответ.

– Прости, я ужасно себя чувствую. Я не должна была подслушивать.

– Не должна была, но подслушала, – строгим тоном нервирую Мили ещё больше, а затем резко обхватываю сзади её шею и сокращаю расстояние между нашими лицами до пары сантиметров, чем, кажется, пугаю девчонку до полусмерти. – И что же мне теперь с тобой сделать за это? – цежу сквозь зубы и, чёрт побери, кайфую, вдыхая её запах с рваными выдохами страха.

– Я не хотела… Честно…

– А мне кажется, хотела.

– Нет… Точнее, да… Но, хочешь, я всё забуду?

– Мне будет спокойнее, если я сам заставлю тебя забыть, – чуть сильнее сдавливаю пальцы на её тонкой шее.

Мили начинает мелко дрожать, но взгляд при этом не отводит. Смотрит точно в глаза. Испуганно, но цепко.

– Ты не сделаешь мне больно, – она не спрашивает, а утверждает. В который раз за пять минут удивляя?

– Откуда такая уверенность? Судя по твоим выводам, я преступник, зарабатываю на жизнь нечестным путём и чёрт знает что ещё вытворяю.

– Даже если так, ты всё равно не причинишь мне вреда.

– Да ладно?

– Да. Ведь ты сам сказал, что, пока я с тобой, со мной ничего не случится.

– И ты мне так просто поверила, Мили?

– Да.

– Почему?

– Потому что я привыкла верить людям до тех пор, пока они не убедят меня в том, что не заслуживают моего доверия, – милашка крепче сжимает пальцами мою рубашку, переводя взгляд с моих глаз на губы и обратно.

Говорю же: хорошая девочка. Наивная, светлая и не проученная жизнью. Какого хрена я с ней делаю? И почему откровенно торчу от её голоса, слов, взглядов и прикосновений? Наркоту сегодня вроде не принимал. Я давно уже с ней завязал. Хотя, может, мне что-то подмешали в стакан, пока я не видел? Всё возможно. Иначе как ещё объяснить мои обострённые реакции и жгучее желание впиться в губы этой девчонки, воплощающей в себе всё, от чего я всегда стараюсь держаться подальше?

– Эми! – восклицает ненавистный мне женский голос в самый неподходящий момент, когда между нашими губами остаётся всего сантиметр.

Мили вздрагивает и быстро увеличивает между нами расстояние, а я едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться.

– С тобой всё в порядке? Он ничего тебе не сделал? – Никс подлетает к милашке и начинает ощупывать её на предмет повреждений.

Совсем идиотка! Я, конечно, много жести вытворял, но никогда не бил женщин. Несколько слабых поджопников этой пацанке в ответ на её нападки не в счёт. Она ведь даже мёртвого до белого каления доведёт. Что уж там говорить обо мне – человеке, не обладающим ангельским терпением?

Мили быстро заверяет дуру-подругу, что она цела и невредима, а я перекидываюсь несколькими фразами с Остином. Видок у друга, мягко говоря, не очень. Ему бы в больницу поехать да повреждения, как следует, обработать, а не с мелкой сеструхой возиться.

Но в этом весь Остин Рид.

Режим защитника у него ни на секунду не отрубается. Даже полумёртвый он придёт к ней на помощь, забив и на раны, и на свою чертовски сексуальную девушку.

– Идём, Эми. Я отвезу тебя домой. Здесь тебе оставаться дольше нельзя, – произносит Никс, окидывая меня презрительным взглядом.

Я тем же отвечаю сучке, которая так и не соизволила извиниться передо мной за незаслуженный удар, и чувствую, как желание побесить её пересиливает здравый разум.

Именно так и только так я объясняю свой непроизвольный порыв схватить Мили за руку и произнести:

– Я сам её отвезу.

– Ещё чего?! Иди проспись лучше! Я Эми с тобой никуда не отпущу! – выдаёт Никс, точно мамочка, зля меня ещё сильнее.

– Вообще-то я у тебя разрешения не спрашивал. К тому же, мне кажется, твоя подруга уже сама может решать, с кем ей и куда ехать. Восемнадцать же есть?

– Есть, – отвечает Мили.

– Ну вот. Значит, и решай сама. С кем поедешь? Со мной или с Никс?

Милашка попеременно переводит взгляд то на меня, то на недовольную пацанку. И судя по тому, что в итоге Мили задерживается на подруге и виновато поджимает губы, выбор она делает в мою пользу… то есть читайте –

неправильный.

Глава 6

Эмилия

С момента, как я вернулась домой и забежала в свою комнату, я не могу перестать улыбаться. Щёки болят, скулы сводит, а я всё улыбаюсь и улыбаюсь, из раза в раз прокручивая в уме каждую проведённую с Марком секунду.

Естественно, я не ожидала, что наша первая встреча будет включать разборки в клубе, драку и поездку в такси в компании тучного водителя, но даже это не сумело омрачить мои впечатления от знакомства с Марком.

Ох! Он такой… Такой… Не передать словами. Все мысли, чувства, ощущения, как ошалевшие мушки, роются во мне, жужжат, отказываясь складываться в логичные предложения, способные описать моё окрылённое состояние.

Марк потрясающий. Идеальный. Вблизи ещё шикарней, чем издалека. И даже тот факт, что благодаря Ники он был облит коктейлем и пах алкоголем, нисколько не портило его в моих глазах. А когда он схватил меня и прижал к себе максимально близко, надеясь напугать, я и правда испугалась до чёртиков. Но не его, а той волны эмоций, что захлестнули меня с головой.

Это слишком сильно, мощно и незнакомо. От того настолько интересно и захватывающе. Я дождаться не могу, когда мы встретимся снова. А мы встретимся. Точно-точно. Перед тем, как я вышла из такси, Марк попросил у меня номер телефона и пообещал скоро позвонить.

И я жду. Очень жду. С замиранием сердца. Ни о чём другом не думая и почти не выпуская телефон из рук. Жду день, два, три… На четвёртый начинаю задумываться о вероятности, что Марк неверно записал мой номер. Иначе, почему он не звонит? Не понимаю. Мы же так здорово пообщались, много

смеялись по пути до моего дома, а ещё он постоянно трогал меня за руку, вырисовывая большим пальцем незримые узоры на тыльной стороне ладони. Кожу до сих пор покалывает в местах его прикосновений, а сердце срывается в пляс, стоит мне прикрыть веки и вспомнить серые глаза Марка, в которых чётко читался взаимный интерес ко мне.

Не могла же я себе это напридумывать, правда? Нет же. Я пусть и редкостная мечтательница, но могу определить – что реально, а что – нет. И я Марку точно понравилась. Я это видела и чувствовала. Но тогда почему он не звонит мне и не приглашает на нормальное свидание? Даже если у него мой номер записан неверно, Марк мог найти меня в соцсетях и написать там. Я же с лёгкостью сумела найти его аккаунт.

Но я не пригласила его, а только нашла, ожидая, что Марк сам добавит меня в друзья. Однако он этого не делает, даже когда появляется в сети. Ни спустя семь дней, ни спустя десять, ни спустя тринадцать дней, которые я как дура отсчитываю, всё ещё не теряя надежду получить от него сообщение или дождаться звонка.

Но ни того, ни другого я так и не получаю. Даже когда сама не сдерживаюсь и посылаю ему приглашение в друзья, от Марка не приходит никакой весточки. Он даже не одобряет заявку, и моё настроение окончательно портится.

Все последующие дни я хожу, как в воду опущенная. Выполняю все свои стандартные дела, посещаю лекции, дополнительные занятия, детдом, в воскресение иду с родителями в церковь и изо всех сил пытаюсь не проявить перед ними своего подавленного настроения. От папы это скрыть удаётся, а вот с мамой сложнее. Она постоянно спрашивает, что со мной случилось, а я каждый раз придумываю нелепые оправдания, ведь сказать ей правду я не могу. Мама до сих пор не знает, где я на самом деле была в тот вечер, когда якобы занималась докладом у подруги. И так должно продолжаться и дальше. Иначе она рассердится из-за моего обмана, обидится, а затем начнёт читать нотации о том, что мне ещё слишком рано думать о мальчиках, тем более о таких ветреных, как Марк. Учёба и мысли о будущей карьере юриста превыше всего. Другими вещами моя голова забита быть не может.

Я и рада была бы суметь целиком погрузиться в учёбу, лишь бы прекратить двадцать четыре на семь думать о Марке, который, по всей видимости, забыл обо мне сразу же, как проводил до дома. Но, к сожалению, я только и делаю, что

тоскую по нему, часами разглядываю его фотографии в интернете и рисую в голове сюжет нашей счастливой совместной жизни.

Дурочка. Знаю. Но какая уж есть. Простите. Не умею я по щелчку пальцев отключать лишние эмоции и переставать верить в лучшее. Хотя следовало бы уже. Сколько можно убиваться по парню, которому на меня плевать? Однако самостоятельно у меня отвлечься не получается, сколько ни пытаюсь. И с Ники, как назло, встретиться не выходит. Она жутко устаёт по ночам на работе, а потом целыми днями проводит в кровати, отсыпаясь. А больше о Марке мне ни с кем разговаривать не хочется. Даже со своей университетской подружкой Кэти.

Мы познакомились с ней в первый день в универе и быстро сдружились, но всё равно не настолько, чтобы делиться с ней своими любовными страданиями. Именно поэтому я так и продолжаю грустить, утопая в повседневной рутине до тех пор, пока Кэти не устаёт любоваться моей кислой физиономией и приглашает меня поехать вместе с ней на выходные в загородный дом её парня.

– Давай же, Эми. Поехали. В Рокфорде наконец потеплело и первое весеннее солнышко выглянуло. А у родителей Анри дом прямо у озера. И большая территория. Там не будет никакой тусовки. Просто отдых на природе. Только несколько друзей Анри и мы с тобой. Поехали, тебе нужно выбраться из города и хоть немного развеяться.

Естественно, я отказываюсь, даже несмотря на ярое желание сменить привычную обстановку, потому что заведомо знаю – родители ни за что не отпустят меня одну за город с ночёвкой. С мамой ещё можно было бы попытаться договориться, но с папой – нет. Сколько ни упрашивай, он не разрешит.

Однако вселенная явно решает, что я не выдержу ещё одних выходных дома, корпя над учебниками по праву и мучаясь от мыслей о Марке. Придя домой, я узнаю от мамы, что папа уехал по работе на всю неделю в соседний город. И долго не думая, я решаюсь попросить разрешения поехать отдохнуть за город.

После долгих разговоров со мной и с Кэти, которая рассказала ей в подробностях, где находится дом, как он выглядит и чем мы будем там заниматься, мама наконец даёт добро. Но с одним лишь условием. Я поеду туда не сегодня на ночь глядя, а завтра с утра. Так маме будет спокойнее. Одну ночь

без дочери дома ей будет пережить куда легче, чем две.

Я немного расстраиваюсь, потому как хотела прямо сейчас собрать вещи и уехать. Но расстраиваюсь недолго, ведь я всегда запрещаю себе зацикливаться на плохих моментах. Нужно уметь концентрироваться на хороших и радоваться им. Что я и делаю. До самого сна думаю о том, как завтра понежусь на солнышке и подышу свежим воздухом. Он выветрит все ненужные мысли о Марке, и мне наконец станет легче. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Глава 7

Эмилия

Путь до загородного дома Анри занимает около двух часов. Он находится в престижном пригороде Рокфорда, где все улицы усыпаны огромными особняками и виллами. Я внимательно разглядываю владения состоятельных людей из окна такси и улыбаюсь. Красиво жить не запретишь. Что ещё тут сказать?

Мой папа тоже может позволить себе купить участок и построить гигантский дом, но ни он, ни я с мамой не видим в этом смысла. К чему сорить такими баснословными деньгами на строительство хором, пышущих показной роскошью, если нам и в нашем доме прекрасно живётся? Он тоже немаленький, чистый, уютный. В нём есть всё необходимое для комфортной жизни.

В нашей семье вообще не привыкли тратить кучу денег на что бы то ни было. Родители покупают все вещи, только когда в этом появляется необходимость, а не из-за желания покрасоваться новинкой перед остальными. Одна я среди нас троих транжира. Могу без труда значительно уменьшить папин баланс на карточке, ходя по модным бутикам и торговым центрам. Мама ругает меня за расточительство, а папа сначала тоже бурчит, но потом всё прощает своей любимой дочке, когда видит моё счастливое лицо после покупок новых модных нарядов.

Естественно, зачастую я покупаю не то, что нравится именно мне, а то, что одобрят родители, но всё равно. Даже имея ограничения, мне всегда удаётся прикупить много стильной одежды и аксессуаров, которые потом комбинирую и создаю классные аутфиты.

Мы проезжаем небольшой лес, ограждающий территорию семьи Анри от всех остальных домов, и водитель останавливает машину.

Благодарю мужчину, выхожу из такси и с первым же вдохом наполняю лёгкие хвойным запахом. Да, погода сегодня действительно радует. Ещё далеко от жары, но и сыростью зимы уже не пахнет. Солнышко светит. Ветра нет. Апрельский воздух свежий, но тёплый. Градусов семнадцать точно есть. И это уже счастье для нашего вечно сырого и прохладного Рокфорда.

Развязываю шарф и снимаю с себя пальто. Осматриваюсь и, кроме двухэтажного дома, поражающего своими масштабами, ничего не вижу. Меня никто не встречает. Повсюду тишина. Только птички чирикают. Ни одного намёка на то, что здесь есть кто-то живой.

Может, я не туда приехала?

Проверяю присланный Кэти адрес. Всё верно. Я ничего не перепутала. Набираю её номер, но она почему-то не отвечает. Стою минут десять в ожидании хоть кого-нибудь, а потом решаю сама отправиться на поиски подруги.

Надавливаю на ручку калитки, и, к удивлению, она поддаётся. Ребята о безопасности явно не заботятся. Ну и ладно. Мне-то лучше. Не придётся торчать за забором и ждать у моря погоды.

Вхожу во двор, тут же оказываясь в ухоженном цветущем саду. Среди цветов и кустов журчат искусственные ручейки. Они вливаются в отдельные бассейны, из которых бьют декоративные фонтаны.

Ступая по каменной дорожке, миную парадный сад. Однако к дому так и не подхожу. Цепляюсь взглядом за голубую гладь озера, и ноги сами ведут меня к воде, поблёскивающей на солнце.

Вау!

Просто вау!

Других слов не подобрать.

Кэти явно забыла добавить, что это озеро потрясающе красивое и по размерам больше напоминает море. Другого берега даже не видно – настолько оно огромное.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю, пропитывая себя природной сыростью, и вроде бы действительно все мысли из головы выветриваются, а на душе становится легче. Жаль лишь, что моё уединение с природой длится до невозможности мало. И нет, это не кто-то из ребят его нарушает, а грозное рычание в кустах неизвестного мне животного.

Оборачиваюсь, прижимаю сумку ближе к себе и застываю. Сердце подпрыгивает к горлу, дыхание перехватывает, когда из куста вылезает морда чёрно-белого сенбернара. Он скалится и смотрит на меня как на кусок мяса.

Божечки! Что же я наделала?!

Забралась на чужую территорию, совсем не подумав о том, что здесь, помимо людей, может быть сторожевой пёс. А то и несколько. Господи! Что же делать?

– Тихо, пёсик. Тихо. Я хорошая. Я ничего тебе не сделаю и ничего отсюда не сворую, – дрожащим голосом лепечу я, но пёс лишь громче начинает рычать, не спуская с меня злобного взгляда.

Нервно сглатываю, по спине стекает капля пота. В темпе пытаюсь придумать, как же мне следует лучше поступить, чтобы спастись от этой громадины? Продолжить стоять на месте как статуя и молить Бога, чтобы пёсик, значительно превышающий меня в размерах, не сожрал меня на завтрак? Или отвлечь его чем-то и бежать сломя голову до дома?

Оба варианта мне не по душе. И даже не знаю, какой из них больше. Однако очередное рычание и громкий лай побуждают меня мигом принять решение.

Правильное или нет? Узнаем на деле.

Я бросаю собаке пальто вместе со своей сумкой, надеясь, что это его отвлечёт, и, не теряя и секунды, срываюсь с места.

Бегу, что есть силы, даже не думая оглядываться назад. Да этого и не надо. Непрекращающийся лай, всё ближе подбирающийся ко мне сзади, ясно даёт понять, что пёс в сумке ничего интересного не нашёл. Мне не сбежать. Я умру. Ещё немного – и буду сожрана защитником дома, на территорию которого я наглым образом вторглась.

Бегу и морально готовлюсь, что в любой момент острые зубы вонзятся в мою ногу или пёс набросится на меня и повалит на землю. Бегу и чувствую, как испуганный визг раздирает горло, а слёзы вырываются из глаз. Они так сильно застилают взор, что я даже не различаю лицо человека, внезапно появившегося у меня на горизонте, а лишь кричу ему во весь голос:

– Беги! Беги! Он нас сейчас сожрёт! – только успеваю прокричать это и на всей скорости врезаюсь в крупную фигуру.

Мы вместе валимся на траву как кегли. Удар о землю чувствую, но боли – ни капельки. Страх парализует тело, будто замораживает. Мне удаётся только впечататься лбом в чью-то грудь, прикрыть голову руками и начать нашёптывать молитву.

– Феликс, стоять! – строгий возглас кажется мне приглушённым, словно он донесся не в сантиметрах от меня, а из-за толстого слоя стекла.

Уши заложило, тело содрогается, а слёзы продолжают литься из глаз.

– Эй, посмотри на меня, – просит некто, придавливающий меня своим нелёгким телом.

Но я не смотрю. Не двигаюсь. И, кажется, даже не дышу. А только жду, что в любую секунду меня начнёт грызть животное.

– Не бойся. Феликс тебя не тронет. Ты в безопасности. Открой глаза и сама убедись в этом, – размеренный низкий голос наконец достигает мозга, действуя на него успокаивающе.

Решаюсь разлепить влажные веки и думать забываю о собаке, потому что первое, что вижу – это грудь. Мужскую. Смуглую. Твёрдую. И, о боже, голую! В шоке поднимаю взгляд выше и цепенею ещё больше, встречаясь с серыми глазами, пристально смотрящими на меня.

– Мили? Это ты? – удивляется Марк, напрягаясь всем телом ничуть не меньше, чем я.

– Я, – глухо, будто не своим голосом.

Как он здесь оказался?!

– Как ты здесь оказалась? – в унисон с моими мыслями спрашивает он.

– На такси приехала.

– Ты что, с Анри знакома?

– Нет. С его девушкой.

– Понятно.

Понятно ему. А мне вот ничего не понятно. Как так получилось, что он здесь? И что более важно – почему он здесь, если мог проводить время со мной в Рокфорде? Почему ни разу не позвонил или не написал хотя бы строчку? Почему продолжает лежать на мне, хмуро разглядывая моё лицо? И почему, несмотря на огромную обиду, моё сердце ликует от неожиданной встречи с ним? Так не должно быть! Не хочу этого! Марк обманул меня. И не заслуживает, чтобы я на него так реагировала. А я реагирую, блин. И радуюсь как дурочка тому, что просто вижу его так близко вживую.

– Убедилась, что тебе ничего не угрожает? – уточняет Марк, вынуждая меня наконец оторваться от его глаз и осмотреться по сторонам.

Пёс смирно сидит в нескольких метрах от нас и с интересом наблюдает за нами.

– Да.

– Успокоилась?

– Да.

– Тогда прекращай лить слёзы, Мили, – он проводит большим пальцем по моему виску, и лишь тогда до меня доходит, что я продолжаю плакать.

– Ой, – стираю несколько капель. – Всё нормально. Я просто испугалась.

– Да я тоже. Не каждое утро у меня начинается так бурно. По ходу, у нас уже входит в традицию сносить друг друга с ног, не так ли? – усмехается он, и я едва сдерживаюсь, чтобы не выдать ответную улыбку.

К счастью, меня спасает тот самый страшный пёс. Не сумев и дальше оставаться безучастным, он подбегает и начинает активно вылизывать наши лица.

– Ой, какой ты, оказывается, дружелюбный, – морщусь от прикосновений шершавого языка.

Однако слюнявая любвеобильность собаки не вызывает и тени того отторжения, что вызывает женский голос, раздавшийся над нами:

– Как я погляжу, не один Феликс у нас тут столь быстро решил проявить своё дружелюбие.

Не успеваю чётко разглядеть лицо ярко-рыжей девушки, как рядом с ней появляется парень:

– Марк, ну что ты в самом деле? Девушка до дома ещё не дошла, а ты уже сверху завалился.

– Ой, замолкни, Лукас. И лучше Феликса оттащи куда-нибудь.

Лукас усмехается и обращает внимание собаки на себя, начиная с ним резвиться. Марк опирается на ладони и ловко вскакивает на ноги. Следом также ловко поднимает и меня.

– Эми! Ты приехала! – из дома выбегает лохматая Кэти, а за ней её не менее лохматый парень. – Я слышала крик, и так испугалась. Что случилось? – подруга подбегает ко мне и с тревогой осматривает.

– Ничего такого. Меня просто чуть не съела собака.

– Феликс, что ли? – удивляется. – Не может быть. Он же самый милый пёс на свете.

– Наверное, его милота не распространяется на чужаков, которые вошли на его территорию без разрешения, – пожимаю плечами и стряхиваю со светлых брюк травинки.

– А почему ты мне не позвонила? Я бы тебя встретила.

– Я звонила. Ты не отвечала.

– Блин, прости, – она хлопает себя ладонью по лбу. – Наверное, забыла включить звук на телефоне. А во сне вибрацию не расслышала.

Бегло оглядываю сонную подругу, полуголых парней, изо всех сил стараясь не задерживаться на Марке, а в конце оцениваю рыжую девушку в мужской майке и делаю вывод, что в доме было настолько тихо, потому что они все ещё мирно спали.

И, по ходу, своими криками я разбудила их всех. Однако я даже чувство вины, как следует, испытать не успеваю. Неконтролируемая ревность с вселенской досадой огненными пулями решетят всё тело, стоит рыжей подойти к Марку и обнять его за талию.

Чёрт! Как же больно… Ведь не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что эту ночь он провёл с ней. А, может, не только эту, но и все предыдущие, пока я неустанно ждала его звонка. И это стопроцентно его майка красуется на её

стройной фигуре, которую Марк приобнимает в ответ.

Вижу это и резко перевожу всё своё внимание на Кэти, лишь бы не расплакаться на глазах у всех. Лишь бы не дать Марку понять, какую боль он причиняет мне в данный момент. Пытаюсь сконцентрироваться на словах подруги, улыбаться ей в ответ, но получается не очень. Глаза опять начинает жечь, а слезливый ком перекрывает горло. Особенно сложно становится после того, как Кэти знакомит меня с присутствующими. Марк коротко сообщает, что мы уже знакомы, а сразу после теряет к моей персоне весь интерес. Закуривает сигарету и как ни в чём не бывало начинает разговаривать со своей девушкой, пока я тем временем в тайне рассыпаюсь на части.

– Так, значит, это и есть твоя красивая подружка, о которой ты мне рассказывала? – перестав играться с милашкой Феликсом, к нам с Кэти подходит Лукас, и я бросаю укоризненный взгляд на подругу.

Свести меня с кем-то решила, засранка? Если бы я знала, ни за что не приехала бы. Не нужно мне это. Мне никто, кроме Марка, не нужен. Пусть даже я не нужна ему.

– Она самая! – с гордостью отвечает Кэти, вырывая меня из пучины грусти. – Знакомьтесь. Лукас, это Эми. Эми, это Лукас, брат моего Анри.

Натягиваю улыбку и встречаюсь с Лукасом взглядом, отмечая, что они с братом совершенно друг на друга не похожи.

Анри среднего роста, светловолосый, голубоглазый и на мой взгляд чересчур увлекается занятиями в тренажёрном зале. А Лукас зеленоглазый шатен с чуть завивающимися волосами, на голову выше своего брата и не такой крупный и мускулистый.

– Приятно познакомиться, – сдавленно произношу я.

– А мне-то как приятно, – Лукас сам берёт мою руку и приветственно сжимает её, улыбаясь настолько очаровательно, что горечь в груди немного притупляется. – Я тебя ждал ещё вчера.

Меня смущает его заявление, как и блуждающий по мне взгляд, но я беру себя в руки и стараюсь этого не показать.

– Да, я тоже думала, что приеду вечером, но, к сожалению, не получилось.

– Ничего страшного, – вмешивается Кэти. – Главное, что сейчас ты здесь. Пойдём, я покажу тебе твою комнату. Положишь вещи. Кстати, где они? Неужели ты не останешься на ночь?

– Ой! – вспоминаю о сумке с пальто, которые бросила Феликсу. – Останусь, просто я вещи свои на берегу озера оставила перед тем, как побежать к дому.

Кэти сообщает, что сейчас накинет на себя халат и сходит со мной, но Лукас вызывается сходить за вещами вместо неё. Подруга-сводница расплывается в довольной улыбке и мигом ретируется в дом, а Лукас времени даром не теряет. Руку мою сжимает своей, переплетая наши пальцы, и уже было тянет меня за собой к озеру, как вдруг его окликает голос, от которого каждый атом моего тела пронзают микроразряды тока:

– Лукас! Подойдёшь ко мне? Мне нужно с тобой поговорить.

Я оборачиваюсь и вижу Марка. Он в одиночестве докуривает сигарету. Рыжая с Анри, оказывается, тоже вернулись в дом.

– Пять минут, друг, и я твой.

– Нет, ты мне сейчас нужен.

– Ничего страшного. Подождёшь.

– Я сказал: сейчас, Лукас. Срочно. Вопрос жизни и смерти, – упрямо настаивает Марк и делает глубокую затяжку, пристально глядя на друга. На меня же даже мимолётного взгляда не бросает, в то время как я не могу заставить себя прекратить пялиться на него.

Красивый он. До неприличия. Расслабленный. В одних спортивных штанах, с растрёпанными волосами и наглыми глазами. Я должна на него злиться,

обижаться, плохими словами в мыслях называть, а я растекаюсь как лужица, чуть ли не с раскрытым ртом любуясь его замысловатыми татуировками на груди и руках, чётко прорисованными мышцами пресса и дьявольской дорожкой волос, что от пупка теснятся вниз и прячется за тёмной тканью спортивок.

К счастью, я быстро осознаю, что откровенно глазею на область его паха, отчего начинаю злиться исключительно на себя и мысленно заряжаю себе смачную пощёчину.

– Ничего страшного. Я сама схожу за вещами, – наконец отрываю взор от Марка и фокусируюсь на Лукасе. – Спасай своего друга. А то, не дай бог, помрёт к моменту, когда мы вернёмся.

– Точно?

– Конечно, мне же идти всего ничего. Вернусь, и покажешь мне мою комнату, хорошо? – сама не понимаю, что за чёрт меня дёргает за язык попросить подобное у малознакомого парня, но я прошу, и кожа моего лица моментально загорается.

Однако дело не только в сильнейшем смятении и обаятельной улыбке Лукаса, но и в остром взгляде Марка, вдруг устремлённом на меня. Я не вижу его, а только чувствую, как он обжигает мне скулу. Горячо. Остро. До проступающих мурашек на коже.

Не передать, чего мне стоит проигнорировать его прицел и, ещё раз улыбнувшись Лукасу, пойти в сторону озера.

Глава 8

Эмилия

– Так Эндрюз и есть тот самый таинственный парень, из-за которого ты ежедневно грустила?

– Тихо ты! Не кричи так! – шиплю я на Кэти. – Я тебе рассказала о нём не для того, чтобы ты на весь дом об этом раскричала.

– Прости. Я просто удивилась очень. Рокфорд в самом деле тесен.

И это мягко сказано. Сначала я узнала, что Марк учится в моём университете и хорошо знаком с Ники, а теперь ещё и о том, что он близкий друг Анри и Лукаса, с которыми Кэти проводит очень много времени.

Интересно, есть ли в городе ещё кто-то, с кем мы с Марком знакомы?

– Получается, Марк часто тусовался с вами в последние недели? – убедившись, что на кухне мы до сих пор находимся одни, тихо спрашиваю я и в ответ получаю сожалеющий взгляд подруги.

Понятно. Моё и без того паршивое настроение опускается ещё ниже.

– Эми, не грусти, пожалуйста. Я же наоборот позвала тебя сюда, чтобы ты отвлеклась и весело провела время, – Кэти сжимает мою руку.

– Да, знаю, и я очень благодарна тебе за это. Только как мне не грустить, если он тут? Да ещё и со своей девушкой.

– Алиса не его девушка. И никогда не была ею. Они просто время от времени… – подруга осекается, с опозданием понимая, что выдаёт совсем ненужную информацию. – Ой, прости. Я опять говорю, не подумав.

– Всё в порядке, Кэти. Я же не совсем наивная дура, и с первого взгляда на них двоих поняла, что они не в шахматы всю ночь играли, – с тяжестью вздыхаю и прикусываю губу, пытаясь переключиться с душевной боли на физическую.

– Эй, ну хватит. Мне невыносимо видеть тебя такой, – подруга приподнимает моё лицо за подбородок. – Знаю, я не могу давать тебе советы, но очень надеюсь, что ты прислушаешься к моим словам. Эндрюз реально хороший друг, классный

товарищ по тусовкам, но как парень он… ну не подходит он для отношений. И Марк сам это осознаёт, поэтому никогда и не начинает с девушками ничего серьёзного, понимаешь?

– Понимаю. Но, может, это потому, что он никогда ни в кого не влюблялся?

– Не думаю. И, пожалуйста, не романтизируй его. Такой, как он, тебе совсем не пара.

– Какой такой?

– Неуравновешенный, взбалмошный, импульсивный.

– Многие парни такие.

– Нет, не многие, Эми, – чуть громче отрезает Кэт. Тяжело вздыхает и, наклонившись ко мне ближе, переходит на шёпот. – Дело не только в его характере. У Марка очень сложные отношения с отцом. Почему – не в курсе. Но Марк настолько его ненавидит, что постоянно вытворяет всякую дичь, лишь бы бросить тень на безупречную репутацию отца. Он у него какой-то крутой предприниматель и важная шишка в управлении города.

– Да, я знаю. Гарри Эндрюз. Он владеет одной из крупнейших машиностроительных компаний на континенте, а также на протяжении нескольких десятков лет играл существенную роль в развитии и процветании Рокфорда, – проговариваю как заученный материал на экзамене.

После единственной встречи с Марком я облазила весь интернет в поисках информации о нём. Но что странно: о самом Марке я практически ничего не нашла, кроме статей и фотографий из разных клубов города. Однако нарыла кучу информации о его отце, о котором сам Марк во время нашего разговора в такси рассказал мне совсем немного. И сделал это крайне неохотно и только с целью убедить меня, что он не зарабатывает на жизнь нелегальным способом.

Напрягаю память и вспоминаю, что, упоминая отца и тот факт, что Марку повезло родиться с золотой ложкой во рту, он произносил это с такой интонацией, будто о проклятье своём рассказывал. Тогда мне показалось это

странным, но теперь, после слов Кэти, мне стало всё понятно.

– Марка частенько заносит в этой войне с отцом, из-за чего он ввязывается в разные проблемы, – продолжает шептать Кэти. – В его жизни нет места здоровым отношениям и такой хорошей девочке, как ты. Тебе нужен другой, Эми. Настроенный более серьёзно и не такой обезбашенный, как Марк. Вы с ним чересчур разные. Как небо и земля. А вот с кем бы ты могла найти много общего, так это с Лукасом. И ты ему очень понравилась. Я это сразу заметила.

Да уж. Мне тоже так показалось в первые минуты общения с ним. Однако после моего возвращения с озера Лукаса как будто подменили. Он словно позабыл о том, что должен был показать мне мою комнату, и больше не проявил ко мне ни одного знака внимания. Даже смотреть на меня практически перестал. Странный он какой-то, но ладно. Я сильно не расстроилась. Наоборот, почувствовала себя спокойнее. Отбиваться от внимания парня, к которому ничего не испытываю – меньшее, чего мне хотелось бы. Да и не умею я это делать. Что уж тут скрывать. Нет у меня опыта в общении с парнями.

– Кэт, вы тут заснули, что ли? – в дверном проёме появляется Анри, и мы обе вздрагиваем от испуга.

– Ты чего нас так пугаешь?

– Даже не думал, лап. Просто завязывайте трепаться и топайте в гостиную. Все уже проснулись, и завтрак приехал. Только вас все ждут.

Насчёт последнего Анри явно приврал. Никто нас даже не думал ждать. Когда мы с Кэт входим в гостиную, все присутствующие уже вовсю поедают завтрак, доставленный из ресторана.

Оглядываю три кожаных дивана, расположенных вокруг большого кофейного стола, и слегка торопею. Оказывается, людей в доме куда больше, чем я думала. Помимо Марка, Лукаса и Анри, здесь ещё пятеро парней и четыре девушки. И все они одновременно переводят взгляд на мою персону, когда Кэт представляет меня толпе.

Я робко улыбаюсь, здороваюсь со всеми, пытаюсь запомнить хоть чьи-то имена, но подруга тараторит так быстро, что в моей голове и половина имён не

сохраняется. Думаю, моё имя тоже мало кто запомнит.

– Присаживайся, куда вместишься, и налетай, – произносит Анри и следует своему же совету.

Плюхается вместе с Кэт на один из диванов и начинает поглощать еду. Я же так и продолжаю стоять на месте, выглядывая, где бы я, собственно, могла уместиться. А место осталось только одно. И, как назло, на диване между Лукасом и Марком.

Стоит ли мне говорить, с какой скоростью забилось моё сердце от волнения? Но ничего не поделать. Сесть надо. Не буду же я стоять как бедная родственница, пока все с аппетитом поедают завтрак.

Тихо выдыхаю и на подрагивающих ногах подхожу к Марку. Он даже голову на меня не поднимает, продолжая о чём-то активно беседовать с блондинистым парнем. Лишь когда я пытаюсь протиснуться между столом и его широко расставленными коленями, Марк соизволяет вспомнить о моём существовании.

– Сюда садись, – пересев ближе к Лукасу, коротко бросает он.

И это не предложение, а небрежный приказ, после которого я для Марка вновь превращаюсь в невидимку.

Будь на моём месте Ники, она наверняка схватила бы Марка за волосы и лицом об стеклянный стол шандарахнула. Но я не она. Мне никогда не хватит смелости напасть на кого-то, хотя, честно, сейчас мне всей душой хочется треснуть Марку. За то, что ведёт себя со мной так непонятно. За то, что боль мне причиняет. И за то, что я для него ровным счётом ничего не значу.

Понимаю, последнее не является разумной причиной обижаться на него. Марк же не виноват, что не отвечает мне взаимностью. Но я всё равно обижаюсь, злюсь и ревную до безумия. Особенно, когда в гостиной появляется Алиса. Вся такая свежая, сияющая и что самое интересное – элегантно одетая. Кремовый брючный костюм идеально сидит на её стройной фигуре и гармонирует с ярко-рыжими волосами.

– Всем пока, ребят. Отдохните сегодня и за меня тоже, – громко проговаривает огненная красавица, проверяя в зеркале своё идеально уложенное каре.

– Уже уезжаешь? – обернувшись, спрашивает Марк.

– Да. К сожалению, не у всех в субботу выходной, – она подходит к дивану, наклоняется, чмокает Марка в щёку и тут же большим пальцем стирает с его кожи следы от помады. – Уверена, ты без меня скучать не будешь.

– Ты меня знаешь, детка.

– Я тебя когда-нибудь прибью за эту детку, – тычет Марку в нос кулаком, а тот кусает его.

– Жду не дождусь.

– Всё. Давай. На связи.

Бегло скользнув по мне взглядом, Алиса прощается со всеми и, цокая каблучками, покидает гостиную. Марк возвращается к беседе с другом, все остальные продолжают вкушать завтрак, а мне кусок в горло не лезет. Не только потому, что я с утра дома сытно поела, но и потому, что, находясь в считанных сантиметрах от Марка и остро чувствуя его аромат, я ни о какой еде думать не могу. Вообще ни о чём не могу. Только о нём. И о всём, что связано с ним.

И, видимо, я опять настолько утопаю в грусти, что всё моё внутреннее состояние чётко отображается на лице. Выплываю из мыслей, когда Кэти оказывается возле меня и предлагает прогуляться, чтобы осмотреть всю территорию семьи Ласман.

А она оказывается ещё больше, чем я думала. Тут не только озеро и живописный сад имеются, но и конюшни с лошадьми, цветочная поляна, теннисный корт, поле для спортивных игр и площадка для гольфа. Прогулка по элитным владениям занимает больше часа, и всё это время Кэти ни на секунду не позволяет мне загрустить. Она говорит без умолку, рассказывает интересные истории, случившиеся с ней и Анри, и смешит меня до колик в животе.

Никак не ожидала от неё такой поддержки. Даже жалею, что не рассказала ей о Марке раньше. У Кэт получается отвлечь меня и приподнять моё настроение, однако оно опять сотрясается, стоит мне увидеть Марка в одних шортах.

После завтрака он вместе с друзьями выбрался на берег озера и развалился прямо на траве. Руки подложены под голову, глаза закрыты, а доведённые до идеала мышцы, поджаривающиеся на солнышке, так и манят прикоснуться к ним.

Клянусь, несмотря на обиду и непонимание его поведения, я едва сдерживаюсь, чтобы не подбежать к Марку. Моя глупая душа изнемогает от желания завалиться с ним рядом и прижаться к груди крепко-крепко, ощутив, как он обнимает меня своими крепкими руками. Но, ясное дело, об этом я могу лишь мечтать.

К полудню на улице становится по-летнему жарко. Я переодеваюсь в шорты и свободную хлопковую майку белого цвета и умещаюсь на шезлонгах вместе с другими девушками. Наслаждаюсь первыми теплыми лучами солнца, дышу свежим воздухом, слушаю девчачьи разговоры и то и дело ненароком бросаю взгляды на спящего Марка.

Не знаю, сколько времени проходит. Час, два, три? Я бы пялилась на него до самого вечера, а то и дольше, но от этого жалкого занятия меня отвлекает Вильям, один из друзей братьев Ласман. Он подбегает к нам и зовёт присоединиться к игре по волейболу. Я вслед за остальными девушками собираюсь отказаться, ведь игрок из меня никудышный, но Кэт и слова мне вставить не даёт. Хватает за руку и тащит меня играть. Причём нарочно запихивает меня в одну команду с Лукасом, напрочь игнорируя мои возражения.

Я не имею ничего против Лукаса. Боюсь, это ему будет в тягость играть со мной. Однако он опять меня удивляет тем, что неприкрыто радуется моему согласию сыграть. Опять начинает разговаривать со мной, а после всю игру подбадривает, радуется каждому выигранному мной очку ничуть не меньше, чем я. И даже в цепкие объятия меня заключает, отрывая от земли, когда наша команда побеждает.

А я, как выяснилось, та ещё азартная натура. Всю игру я до жути хотела выиграть, и потому сейчас настолько радуюсь нашей непростой победе, что

забываюсь и тоже крепко обнимаю малознакомого парня. Причём и руками, и ногами. А сзади меня на радостях обнимает ещё и Вильям. И всем этим бутербродом мы падаем на траву, смеясь во весь голос.

Боже! Родители бы меня убили, увидь, что я сжата двумя потными мужскими телами. Ещё и хохочу как сумасшедшая вместо того, чтобы предпринять попытки выбраться из тесной близости парней.

Но родителей тут нет, а, значит, в кой веки я могу не думать об их мнении. Ведь ничего плохого я всё равно не делаю.

Однако так я думаю ещё совсем недолго. Как только возле нас образуется высокая фигура, затмевающая солнечный свет, и я с трудом разглядываю крайне недовольное лицо Марка, у меня складывается впечатление, будто я сотворила что-то из ряда вон выходящее.

– Вы закончили? – глухо цедит он, глядя на меня так, словно я в оргии участвую, а не всего лишь радуюсь победе в волейболе.

На миг мне даже стыдно становится. Мало ли я действительно повела себя неподобающе, и даже не осознаю этого? Но нет же вроде. Всё прилично. И беззаботный голос Вильяма подтверждает это:

– Ты чего такой хмурый, Эндрюз? На солнце перегрелся? – парень наконец отодвигается от меня и встаёт на ноги.

– Не перегрелся. Наоборот, грелся бы ещё, если бы вы своими криками и смехом не разбудили меня.

– Ох, ну прости, барин. Не подумали о твоём сне. В следующий раз мы будем тише, – насмешливо произносит Вильям. Подаёт мне руку, помогая подняться с подозрительно притихшего Лукаса.

– Следующего раза не будет, – высекает Марк, поражая меня исходящими от него негативными импульсами.

– Чего это вдруг? – хмурится Вил, а Лукас так и продолжает хранить молчание.

– Того. Баню нужно идти растапливать.

– Не понял, брат. Что растапливать?

Я тоже не поняла. О какой бан-и-ю идёт речь и что это вообще такое?

– Баню! – радостно отвечает вместо Марка подошедший к нам Анри. – Сегодня мы вам, любителям жалких шестидесятиградусных саун, наконец покажем, что такое настоящая русская баня!

Глава 9

Эмилия

– Получается, твой парень русский, который никогда не бывал в России? Это как вообще? – с изумлением интересуюсь я у Кэт, когда мы входим в её спальню, чтобы переодеться в купальники.

– А вот так. Анри с Лукасом родились в Латвии. Их мама русская, а папа латыш. Когда мальчикам было по пять лет, они переехали жить в Штаты.

– Вот, значит, как. Мне стыдно признаться, но я впервые слышу о Латвии и даже не знаю, где она находится.

– Так я тоже не знала до встречи с Анри. Это где-то в Европе. Рядом с Россией. Анри обещал свозить меня туда следующим летом. Говорит, там в июне какой-то классный летний праздник вся страна отмечает. Он для них по важности наравне с Новым годом. Будет интересно окунуться в латышские традиции, – воодушевлённо произносит Кэт.

– Бан-и-я или как она там – тоже одна из латышских традиций?

– Нет, баня – это русская тема. Хотя по словам Анри в Латвии тоже многие обожают бани. Для некоторых людей это не просто поход в горячую комнатку, где нужно немного попотеть и уйти, а что-то вроде культа. Там аж целая программа. Тебе повезло, Эми, ты испробуешь её в первый раз сейчас, когда на улице нет снега. Меня же прошлой зимой после стоградусной жары бросили в сугроб. Мол, сказали, что это обязательно. Я думала, убью этих идиотов.

Я посмеиваюсь в ответ на ворчания Кэт. Однако мой смех быстро сходит на нет, стоит подруге вручить мне один из её купальников. Свой же я не взяла, ведь не думала, что он мне пригодится. И очень зря.

– Я его ещё ни разу не надевала, – поясняет Кэти, неправильно поняв моё смятение. – Трусики, конечно, чуть большеваты для тебя, но ты завяжи покрепче, чтобы не свалились.

– А тут есть чему сваливаться? – с ужасом смотрю на жалкие треугольники красной ткани. – Я же в нём буду практически голая.

– И что? Я тоже буду. И все остальные. Не собираешься же ты в одежде идти париться?

– Нет, но я никогда не надевала ничего настолько откровенного. Особенно в присутствии парней.

– Ой, я тебя умоляю, Эми. Насчёт парней вообще не стоит напрягаться. Уверяю, они столько всего видели, что их уже ничем не удивишь.

Да уж… А Марка так особенно. Такой обычной девушке, как я, нечем его поразить. Наверное, поэтому он и не звонил мне, а сегодня не обращает на меня абсолютно никакого внимания.

– Ого! Ничего себе у тебя формы! – охает Кэти, увидев меня в своём донельзя открытом бикини. – Может, я и погорячилась, сказав, что тебе нечем удивить парней.

– Ерунду не говори, – смущаюсь, складывая руки на груди.

– Я, кроме твоей пышной «ерунды», больше ничего не вижу, Эми. Такая худенькая, и такие сиськи! Подумать только! – бурно восторгается подруга, ещё сильнее вводя меня в краску.

Верх её купальника сильно сдавливает бюст, а низ едва прикрывает мою маленькую попку. Кошмар какой! Я выгляжу вульгарно. Но подруга явно придерживается иного мнения.

– Ты какого чёрта такую красоту от всего мира прячешь под закрытыми майками? Я белой завистью сейчас захлебнусь со своей единичкой.

– Да что ты такое говоришь? Кому тут и стоит завидовать, так это мне. Ты только посмотри, какая у тебя красивая женственная фигура. Какие округлые бёдра и тонкая талия. У меня же, кроме груди, вообще ничего не напоминает женщину.

– Вот дурочка, – фыркает Кэти, застёгивая верх купальника. – Как только в твоей голове могут быть такие бредовые мысли?

– Они не бредовые. Я просто адекватно смотрю на себя.

– Ага. Как же. Какая девушка смотрит на себя адекватно? Не смеши меня. Лучше держи полотенце и на выход, – Кэти подталкивает меня к двери.

Мы выходим из комнаты, и я быстро повязываю вокруг себя полотенце, но увы, по-прежнему ощущаю себя чересчур голой. И это неловкое ощущение лишь усиливается, когда мы добираемся до помещения, пахнущее деревом, мятой и какими-то приятными травами, и я натыкаюсь на нескольких полуголых, потных парней. И, к слову, только парней.

– А где все девчонки? – нервно спрашиваю у Кэти.

– Думаю, остались зависать в гостиной.

– Почему? Они разве не будут здесь с нами?

– Вряд ли. Все слишком нежные и не любят такую сильную жару. Обычно только Алиса ходила со мной париться. Но она уехала, так что ты сегодня будешь моим

товарищем по бане.

– Вот уж в этом я сомневаюсь, лапа, – к нам подлетает Анри и сковывает Кэт в объятиях. – Не думаешь же ты, что я упущу возможность отхлестать тебя веником по заднице.

– Что? – непонимающе выдыхаю. – По заднице? Веником?

– Всё верно. Берёзовым веником. От всей души. И не только по заднице. Так что, Эмилия, выбирай любого из пацанов, кто хлестать тебя будет.

Я в шоке округляю глаза и смотрю на подругу, не понимая – Анри шутит или нет?

– Да не пугайся ты так, Эми, – смеётся Кэт. – Веник – это самое крутое в бане.

– Вот уж сомневаюсь. Я не хочу, чтобы меня кто-то хлестал.

– Ты ничего не понимаешь, глупенькая. Ты придёшь в восторг. Давай, попроси Лукаса, – поигрывает бровями подруга. – Думаю, он с удовольствием тебя отхлестает.

– Её отхлестаю я, – за моей спиной вдруг раздаётся категоричный голос, и моё сердце с такой силой врезается в рёбра, словно намерилось об эту клетку разбиться.

Я резко оборачиваюсь, и мне становится ещё хуже… Или лучше… Не понимаю. Вообще ничего не понимаю. От вида влажного, крепкого тела Марка, возвышавшегося надо мной как гора, мозг тормозит все мыслительные процессы, а в горле враз пересыхает.

Боже ты мой! Я когда-нибудь прекращу повторять, насколько он красивый? Мне кажется, нет. Невозможно оторвать взгляд. Особенно сейчас, когда Марк недавно выбрался из баньи. Такой разгорячённый, потный, пахнущий какой-то листвой… берёзовой, если правильно понимаю. Несколько листочков даже прилипли к его коже. Жуть как хочется их отклеить от него, а потом самой так же прилипнуть к его телу и никогда-никогда не отлипать.

– Идёшь со мной, Мили? – его чарующий голос лишь сильнее погружает меня в состояние транса.

Он ещё спрашивает? Конечно, иду. За ним я хоть на край света побегу.

– Иду, – выдыхаю я тихо, ни о чём не думая, ничего не соображая и совершенно не замечая, что Марк не в духе.

Лишь когда мы оказываемся наедине в небольшом предбанном помещении, я прихожу в себя и вижу, что Марк чем-то крайне недоволен. Только чем? Непонятно. А вот я определённо недовольна собой. Не должна была я так просто соглашаться идти сюда с ним. Он игнорировал меня весь день без причин и объяснений, а стоило ему пальцем поманить, как я тут как тут. С ним. Тет-а-тет. Почти голая. С ума сойти!

– В тёплом душе сначала ополоснись. Только голову не мочи, – бросает он, донельзя нервируя меня пристальным взглядом.

Я весь день мечтала, чтобы он посмотрел на меня, а сейчас до невозможности желаю обратного. Как прикажите мне отмереть, полуголой дойти до душа и помыться, если Марк насквозь просверливает меня острым взглядом? Жизнь к такому меня не готовила. Вот совсем.

– Ты можешь отвернуться?

– Нет, – следует мгновенный ответ.

– Пожалуйста.

– Зачем?

– Ты меня смущаешь.

– Смущаю? – вскидывает брови. – Вроде ещё даже не начинал, так что отметай эту глупую стеснительность и мойся быстрее. Другие тоже хотят попариться, – он прислоняется спиной к стене и выжидающе скрещивает руки на груди.

Понятно. Значит, прекращать буравить меня взглядом он не собирается. Что ж… Ладно. Придётся переступить через свою «глупую стеснительность». Ведь чего смущаться, так ведь? Голая, одетая. Марку я всё равно не нравлюсь. Так что какая разница?

Прикусив губу от досады, снимаю с себя полотенце. Вешаю его на крючок возле Марка и иду в душ.

Он сказал, чтобы я ополоснулась тёплой водой, и я послушно выполняю. Однако из-за обжигающего прицела Марка мне уж очень хочется понизить температуру мощного потока, ниспадающего на меня. Лишь бы остыть. Лишь бы успокоиться. Лишь бы прекратить ощущать на себе его пристальный взор, что будто покусывает огнём всю поверхность кожи и раздувает жар между бёдер.

– Готово. Теперь можем идти внутрь? – перевязывая хвост на макушке, спрашиваю я.

– Не можем, – цедит Марк, став ещё более напряжённым. – Шапку надень.

– Шапку? Кэти сказала, что там, как минимум, сто градусов.

– Вот именно. Для этого специальная шапка и нужна, чтобы тепловой удар не получить, – Марк сам берёт стрёмненький головной убор с полки и укладывает на мою голову.

В ней я, должно быть, выгляжу ещё более антисексуально. Шикарно.

– А ты? – спрашиваю, понимая, что Марк собирается пойти в парилку без шапки.

– А мне не нужно.

– Почему это?

– По кочану, Мили. Давай без вопросов. Просто бери полотенце и заходи внутрь, – резко высекает Марк, а затем не менее резким движением срывает с крючка моё полотенце и вручает его мне.

И это становится последней каплей, переполняющей чашу моего непонимания.

– Почему ты злишься?

– Я же сказал: без вопросов.

– А мне плевать, что ты там сказал. Я хочу услышать ответ: почему ты злишься на меня?

– Я не злюсь.

– Да? А твоё поведение говорит об обратном. Если тебе настолько неприятно моё общество, мог бы так и продолжать меня игнорировать, а не идти со мной в бан-и-ю. Я бы просто попросила кого-нибудь другого сходить со мной, – мой голос вибрирует от накопившейся за весь день злости, пока внутри всё кровью обливается от мысли, что Марку неприятна моя близость.

Чувствуя, что к глазам предательски подступает влага, я порываюсь обойти Марка и позвать Кэт, но и шагу ступить не успеваю. Сильная ладонь впечатывается в мою грудную клетку и намертво приколачивает к стене, выбивая из горла изумлённый ох, а из легких – весь воздух.

– Никто другой с тобой в баню не пойдёт, Мили, – глухо, сквозь сжатые зубы проговаривает Марк. – И если ты сейчас же не заткнёшься и не войдёшь в неё, я тебя сам заткну и запихаю туда, ясно?

Ясно ли мне? Хороший вопрос. Давайте по порядку.

Мне ясно, что я опять таю. Что сердце в пропасть срывается. Что мне жарко, словно я уже нахожусь в парилке. Что надышаться Марком не могу, несмотря на то, что дышу тяжело и часто.

Моя грудь высоко поднимается и опускается, а вместе с ней и рука Марка, что будто бетонной плитой сдавливает мне всю грудную клетку.

Он хотя бы осознаёт, что практически лапает мою грудь? Без разрешения и вот так неожиданно. Или ему стоит об этом сообщить?

Да только как языком пошевелить, пока он так близко и так вкусно пахнет, а мой взгляд прикован к предельно суровым глазам Марка? В них будто десятибалльный шторм разряжается, что непременно сметёт меня первой же волной, если я вдруг решу ещё что-то вякнуть.

А я вроде хочу ему возразить. Хочу сказать, что со мной нельзя обращаться так грубо, да не получается. Потому что… Вот же блин!.. Мне это нравится. Очень. И его сила, и запах, и взгляд, и даже слова. Как представлю, чем именно Марк затыкал бы меня, так кожа лица начинает пылать, весь низ живота за секунду напрягается, а голова наполняется развратными картинками.

Радует, что мне удаётся быстро пресечь на корню мою фантазию и взять себя в руки.

– Мне всё ясно, – прочистив горло, первая нарушаю напряжённое молчание. – Но и ты тогда сделай что-то со своим настроением. Я не виновата, что ты, по всей видимости, сегодня встал не с той ноги, – желая освободиться, кладу руку на ладонь Марка, но тот сам её отдёргивает от моей груди, словно я его ударила током.

Он молчаливо отступает от меня, позволяя отлипнуть от стены, и мы одновременно выдыхаем. Шумно. Протяжно. С одной лишь разницей: я это делаю от разочарования, а он – с облегчением.

Смирись, Эми. Ты ему действительно неприятна.

С этим горьким осознанием я открываю дверь в настоящую жаровню и спешно вхожу внутрь, мысленно заклиная, чтобы в этом русском пекле сумели сгореть все мои чувства к Эндрюзу.

Глава 10

Марк

– Мне всё ясно, но и ты тогда сделай что-то со своим настроением. Я не виновата, что ты, по всей видимости, сегодня встал не с той ноги, – с плохо скрываемой обидой выдаёт Мили, даже не догадываясь, в каком прекрасном расположении духа я сегодня проснулся.

Вчера я провёл отличный вечер с друзьями, а потом здорово потрахался с Алисой, единственной девушкой среди моего окружения, которая никогда не пилит мне мозг и не настаивает на отношениях. Ей от меня нужен только секс. Как и мне от неё. У нас с ней идеальный коннект.

Вот и вчера мы доставили друг другу удовольствие, а затем я ушёл спать в другую комнату, где всю ночь проспал как младенец. Проснулся раньше всех, принял освежающий душ и решил выйти на улицу немного проветрить голову после вчерашней небольшой попойки.

И представьте моё удивление, когда за сотню километров от Рокфорда этому глазастому ангелочку в прямом смысле удалось снести меня с ног. Вот тогда-то моё хорошее, уравновешенное состояние и улетело в жопу.

Почему?

На то есть две причины.

Первая – я больше не желал видеть эту девчонку.

Как бы Мили мне ни понравилась в вечер нашей первой встречи, я не собирался с ней больше встречаться. Потому-то я не позвонил ей ни разу, проигнорировал её приглашение в соцсетях и старался вычеркнуть из памяти кадр её залипательных глаз и пухлых губ, которые бесподобно смотрелись бы на моём члене.

Но разовый минет и перепихон с Мили стопроцентно не стоят всех последствий, что, без сомнений, ждали бы меня после. Однажды я по тупости затащил в постель такую же невинную милашку, как она. Мало того, что девчонка предсказуемо оказалась целкой и бревном, так потом я ещё почти полгода не мог от неё отвязаться. Да ну на хер мне повторять подобное. Романтичные

особы, видящие во мне своего ненаглядного принца, не для меня. А судя по тому, как Мили на меня весь вечер смотрела, в мыслях она уже всю нашу совместную жизнь распланировала.

Вторая же причина моего раздражения неслабо удивила даже меня.

Лукас.

А если более точно – его неприкрытый интерес к Мили и ярое желание Кэт свести их вместе.

Накануне эта балаболка все уши Лукасу прожужжала о своей красивой, свободной подружке. Если бы я знал, о какой именно Эмилии идёт речь, я бы быстро рот этой болтливой дуре заклеил, чтобы она перестала так пылко рекламировать Мили моему другу. Не потому, что Лукас ей не пара. Нет. Ласман как раз-таки идеально подошёл бы для воплощения всех грандиозных слащавых планов, витающих в Милиной головке. Всё дело в том, что, стоило мне увидеть Мили с Лукасом, мне почему-то сразу захотелось проломить другу череп.

И это странно. Совсем мне не свойственно. Ни одну свою бабу никогда ни к кому не ревновал. И мне всегда было по хер – трахается ли, допустим, та же Алиса ещё с кем-нибудь, помимо меня, или нет.

Я знатно прифигел от вспыхнувшей во мне злости, когда Ласман подбивал клинья к испуганной милашке. Едва лицо выдержал, лишь бы не дать никому понять, что я ни с того ни сего хочу заехать другу по морде. И всё из-за кого? Из-за девчонки, которая в общем целом даже не в моём вкусе?

Слишком милая. Слишком невинная. Слишком запавшая на меня. И слишком тощая. Я люблю по сочнее, чтобы было за что потрогать. Хотя, нужно отметить, сиськи у неё – очуметь можно. Слишком большие для её дохлой фигуры. Однако это «слишком», как и большие глаза и губы Мили, я определённо отношу к её достоинствам. Когда остальные пацаны увидят эти пышные красоты, они, сука, слюнями захлебнутся.

Мне кажется, и у меня вот-вот потекло бы изо рта, если бы Мили вдруг не коснулась моей ладони, плотно прижатой к её груди. Всего одно лёгкое прикосновение, а по моим венам будто разряды тока прокатываются, поднимая

все волосы на теле и покалывая кончики пальцев.

Одёргиваю руку, злясь и не понимая столь острых реакций на эту сиськястую дохлю в шапке. Подумаешь сиськи большие. И что? Впервые, что ли, вижу подобные? Разумеется, нет. Но член какого-то чёрта так стоит на неё, что аж больно. И это бесит. Реально вымораживает. Однако Мили права. Мне нужно взять под контроль свой неблагополучный настрой. Как-никак, я ведь сам вызвался в баню пойти, лишь бы никто другой с ней не попёрся. И она не виновата, что действует на меня столь странным образом.

– Ого, как здесь жарко! – охает Мили, когда я следом за ней захожу в баню и плотно закрываю дверь.

– Постели полотенце на средний поло?к и садись туда. В первый раз выше не лезь. Плохо может стать.

Она без возражений следует моему совету. Усаживается на полотенце, с осторожностью прислоняется спиной к горячей стене и вытягивает ноги. Я устраиваюсь на другой стороне полка? напротив Мили, в точности копируя её положение.

Глаза в глаза. Молчаливо изучаем друг друга несколько секунд, а затем, резко покраснев далеко не от жара, Мили не выдерживает напряжения и отводит взгляд. А я пользуюсь возможностью и откровенно любуюсь её обалденной грудью, едва прикрытой купальником не по размеру.

– Тут просторно, – оглядываясь по сторонам, спустя минуту молчания тихим голосом констатирует она. И, будто чувствуя, что весь мой фокус направлен на её округлости, скрещивает руки на груди.

Сучка маленькая.

– Да, просторно, – охрипшим голосом отвечаю я.

– Почему тогда мы здесь одни?

Потому что я попросил пацанов не заходить сюда, пока мы будем здесь.

Но вместо правды отвечаю:

– Не знаю. Все остальные пьют, наверное.

– Пьют? – озадачивается Мили, решаясь снова встретиться со мной взглядом.

– Да.

– Водку?

– Почему сразу водку? – усмехаюсь.

– Я просто слышала, что русские везде и всегда пьют её. А раз Анри с Лукасом наполовину русские, и сегодня мы в русской бане, вот я и решила.

– Про то, что русские всегда и везде пьют водку – это стереотип, Мили. Такой же, как «ежедневная еда японцев – суши» или «итальянцы едят только макароны». Пили мы вчера, причём всё, за исключением водки, а сегодня у нас, так сказать, оздоровительная программа. Ничего, кроме травяных чаёв, ты на столе не увидишь.

– Ох, ну тогда хорошо, – с облегчением выдыхает она.

– Ты сильно против алкоголя?

– Я? Нет. Я к нему нейтральна, просто испугалась, что кто-то в нетрезвом состоянии войдёт в такую жарищу. Это опасно для здоровья.

Я ничего не отвечаю. И наслаждаюсь тем, как с каждой секундой Мили всё больше нервирует мой изучающий взгляд, медленно скользящий по её ногам и щиколоткам. Я ещё днём отметил, какие у неё длинные и стройные ноги. Капитально залип на них, пока она в шортиках бегала по волейбольному полю, визжа после каждого выигранного мяча и обнимаясь с Лукасом.

Бля*ь! Как вспомню, так закипаю снова. А во время их частых объятий мне жуть как хотелось придушить своего друга. За непонятливость в первую очередь. Я же ему чётко дал понять, чтобы даже не думал подкатывать к Мили, иначе я

наконец расскажу Анри о его маленькой тайне, случившейся в прошлом году у них с Кэти на одной из моих вечеринок.

Я застукал Лукаса и Кэт по пьяни трахающимися в ванной комнате, но Анри их не выдал, ибо не люблю лезть в чужие дела. Тем более Лукас тоже мой друг. И рассказывать о его случайной ошибке – меньшее, чего мне хотелось. И я ни за что об этом никогда Анри не расскажу. Пусть я далеко не хороший человек, но я точно не трепло и не предатель. Однако Лукаса сегодня пришлось убедить в обратном, лишь бы он не лез к Мили.

И он не лез, однако лишь тогда, когда я наблюдал за ним. Стоило же мне отрубиться на берегу озера, как он тут же тереться об неё начал. Ушлёпок. Пришлось во второй раз ему напоминать о проблемах с братом, которые я ему якобы устрою, если он ещё хоть раз посмеет ослушаться меня.

– Ты меня побьёшь? – неожиданный вопрос Мили вырывает меня из мыслей в реальность, в которой я до побелевших костяшек сжимаю кулаки.

– Что? – кидаю на девчонку недоумённый взгляд.

– Веником… Побьёшь? Или мне самой это сделать? Ты только покажи как.

Ах! Точно. Веник. Почти вылетело из головы.

– Ложись, – бросаю и иду за пучком берёзовых веток.

– Что?

– Ложись, говорю. На живот.

Когда я возвращаюсь в баню с распаренным веником, вижу, что Мили уже справилась с недоумением и вытянулась на полке?, уместив голову на свои руки.

– Будет больно? – взволнованно спрашивает милашка и тут же взвизгивает от проверочного удара веником по заднице.

Ох, чёрт… Мелочь, а приятно.

– Так больно было?

– Нет. Просто неожиданно. Ты хоть предупредил бы, что бить собираешься.

– Так неинтересно.

– Зато мне спокойнее.

– Спокойнее – это не со мной, Мили.

Следует второй удар и женский ох. От его звука вся кровь в теле превращается в лаву и огненным сгустком стекает вниз к паху. Стискиваю зубы, выдыхаю сквозь них и начинаю размахивать веником над телом девчонки. Чуть позже прижимаю к пояснице, медленно скольжу к лопаткам и вновь приподнимаю ветви вверх, развевая горячий воздух.

Только когда Мили полностью расслабляется и покрывается испариной, я наношу по ней несколько ударов. Несильных, но хлёстких, оставляющих листья берёзы на её коже. Такой фарфоровой, словно у куколки. Без единого изъяна, шрама или волоска. Видно, что девчонка следит за собой.

Интересно, лобок у неё тоже гладко выбрит? Я не любитель зарослей. Как и татуировок на женской коже, хотя у самого их до хренища. Но почему-то на женщинах их не люблю. И у Мили я пока ни одной не заметил.

– Ты как? Не слишком жарко? Ещё можешь тут находиться?

Спокойно веду веником по её ногам, попке, спине и обратно, пуская слюни на каждый сантиметр тела – разгорячённый, румяный, нежный. Стопроцентно нежный. Невооружённым глазом видно. Но мне становится мало просто смотреть на неё. Мне хочется потрогать. И, чёрт побери, я не привык отказывать себе в желаниях.

Одно дело – не звонить ей, чтобы предотвратить ненужные мне любовные тёрки, или игнорировать, тусуясь со всеми. И со-о-о-всем другое – находиться с ней, практически голой, в жарком полутёмном помещении, чувствуя, как ещё немного – и член взорвётся от перевозбуждения.

Я мазохист, что ли? Нет.

Получив от Мили ответ, что с ней всё отлично, откладываю веник в сторону и умещаю руки на её плечи.

– Что?.. Что ты делаешь? – вмиг напрягается милашка.

– Тихо. Не шуми. Я делаю всё, как надо, – наклонившись к её уху, шепчу я и вдыхаю женский запах, смешанный с берёзовыми нотками.

– Массаж тоже входит в программу русской бан-ь-и?

– Разумеется. Без него нельзя, – вру и не краснею.

– Ты не лжёшь?

– Конечно нет. Мы, русские, обожаем тактильный контакт. Ни одна баня не проходит без массажа, Мили.

– Мы? Ты что, тоже русский?

– Наполовину, как и Анри с Лукасом. Моя мама русская.

– И тоже из Латвии?

– Нет, – усмехаюсь. – Моя мама родилась и выросла в Санкт-Петербурге.

– А как ты познакомился с братьями?

– В школе. Там же познакомились и наши мамы на одном из родительских собраний.

– А вы…

– Хватит разговоров, – резким полушёпотом сворачиваю попытку Мили разбавить разговорами звенящее напряжение в бане. – Не забивай ничем голову и расслабься.

И, наивно доверившись мне, она расслабляется. Не сразу, но при помощи массирующих движений мне удаётся успокоить крошку. В то время как сам будто в дерево превращаюсь. Каждая мышца наливается свинцом, каменеет и болезненно ноет. Особенно та, что прикрыта чёрными шортами.

Медленно, с какой-то маниакальностью поглаживаю её плечи, спускаюсь по рукам к ладоням и уделяю внимание каждому пальцу. Они у неё длинные, тонкие, изящные. Дьявол! Я обожаю красивые женские руки. А у Мили они идеальные. Опять по-жёсткому штырит от прикосновения к ним. Кажется, даже жёстче, чем от взгляда на её шикарные сиськи.

Чтобы совсем не слететь с катушек и не отыметь девчонку прямо тут (а я могу, уж поверьте), перемещаюсь с рук к спине. Поглаживаю вверх-вниз, очерчиваю невыразительную линию талии. Сильнее надавливаю ладонями чуть выше лопаток, до блаженного стона Мили, и круговыми движениями массирую разогретую кожу. Такую бархатную, что не передать словами. Она ещё нежнее, чем я предполагал. Обалденная.

– Тебе нравится? – уж лучше бы не спрашивал. Не узнаю своего голоса. Хриплый, глухой, еле живой. Как и мой здравый разум.

– Да, – с новым стоном блеет она и тяжело выдыхает со мной в унисон.

– А так?

Нащупываю проступающие сквозь кожу позвонки и пересчитываю подушечкой пальца, один за другим, всё ниже и ниже.

– Да, – следует ещё более тихий ответ, больше похожий на мычание.

– И так тоже? – касаюсь сексуальной ямочки над ягодицами. А дальше и до них самих добираюсь, с наслаждением сжимая два маленьких полушария.

Несмотря на стоградусную жару, Мили покрывается мурашками и на сей раз даже не отвечает. А, может, я просто уже ни хера не слышу от тотального перегрева.

Пот катится по лицу и телу, в висках долбит, жар со зверской похотью лишает кислорода, а я всё щупаю и щупаю, не в состоянии оторвать руки от этой попки. Мне жесть как нравится происходящее. И чувствую, что Мили тоже в экстазе. Её блаженные мычания и стоны, которые она отчаянно пытается сдержать, говорят красноречивее тысячи слов.

Милашка тоже хочет. И хочет сильно. Так почему бы всё-таки не послать всё к чёрту и не сделать друг другу приятно?

Сердце мотает из стороны в сторону, мозг в последний раз взвешивает все «за» и «против», а слух накрывает не то чтобы шумом, а каким-то одуряющим писком. Он оглушает и выводят все предохранители из строя.

Короче, похер на всё. Хочу её. С последствиями разберусь позже, а сейчас я тяжело выдыхаю и с высокой колокольни плюю на благоразумие. Под мелодию очередного женского стона ещё сильнее сжимаю ягодицы Мили, раздвигаю их и юрко проскальзываю пальцем под трусики, касаясь нежной плоти. Там горячо, чертовски влажно, и да, бля*ь, всё гладко, как я обожаю.

Однако насладиться её идеальной промежностью дольше секунды не получается. Как, впрочем, и защититься, когда Мили как ошарашенная вскакивает с полка?, поворачивается и со всей дури залепляет мне оплеуху. Сильную. Звонкую. Увесистую. Обжигающая боль поражает всю левую сторону лица, а в глазах ненадолго темнеет.

Очухиваюсь, лишь когда звон в ушах проходит, и вижу, как маленькая, истерзанная моими пальцами попка спешно скрывается за дверью.

Глава 11

Марк

– А ну стоять! – игнорируя ноющую боль в скуле, догоняю Мили и хватаю за запястье.

– Отпусти! – шипит милашка, и я отпускаю, но не сразу, а предварительно затащив её сопротивляющееся тело в душ. Толкаю спиной к стене и вбиваю ладони над её хрупкими плечами, отрезая все пути отхода.

На всей скорости сталкиваемся взглядами. Накал эмоций электризует воздух. Однако пташка не пугается. Не сжимается, как загнанный в клетку зверёк. Из-под шапки на меня смотрят донельзя сердитые глазки. Они мечут искромётные молнии, будто желая спалить меня дотла.

Красотища. Мили бесподобна в гневе. Такая она мне нравится ещё больше, чем прежде.

– Ты чего улыбаешься?! – выпаливает не на шутку рассвирепевшая крошка. – Ты больной?

– Ты даже не представляешь, насколько.

– Оно и видно. Прекрати улыбаться и дай пройти.

– Зачем?

– Что, значит, зачем? Я не хочу находиться рядом с тем, кто без разрешения посмел меня так трогать.

– Как так? – насмешливо изгибаю бровь.

– Так, – милашка краснеет ещё больше, но взгляд в сторону не отводит.

Это мне в ней тоже нравится. Стесняшка, но стержень в ней имеется.

– И что тебя так сильно разозлило? Мне показалось, ты была очень даже не против моих прикосновений, – снимаю с головы Мили шапку, отбрасываю в сторону и наклоняюсь ближе к её румяному лицу. Вдыхаю запах вместе с исходящим от неё негодованием и херею от мощного прилива возбуждения.

– Я была не против всех правил русской бани, но не более.

– Врёшь.

– Нет, не вру.

– Нет, врёшь, Мили. Но со мной не нужно это делать. Я же видел, что ты хотела. И уверен, если я сейчас залезу к тебе в трусики, лишь удостоверюсь в своей правоте.

Девчонка приоткрывает рот в изумлении и сдвигает брови к переносице. Она выглядит крайне оскорблённой.

– Вот уж не знаю, с какими девушками ты постоянно имеешь дело, Марк, но со мной так себя вести нельзя. Отойди в сторону и дай мне пройти! – сурово повторяет милашка и вбивает ладони мне в грудь, тщетно пытаясь сдвинуть меня с места.

Понятно. Как я и думал. Она недотрога. Из ненавистной мне категории «Никакого секса с первым встречным» или «Буду подыхать от желания быть оттраханной, но не признаюсь в этом, ибо это грязно, постыдно и неправильно». В общем, сплошное разочарование. Однако я какого-то хера так и продолжаю стоять к ней практически вплотную. Тело наотрез отказывается отодвигаться от Мили. Наоборот. Мне нужно больше контакта. И желательно ниже пояса.

– Что ты делаешь? – натянутым от напряжения голосом спрашивает она, когда я беру одну её руку со своей грудной клетки и подношу к губам.

– Я тебя услышал, Мили, – нежно целую большой пальчик, затем указательный и средний, удерживая девчонку на привязи хитрого взгляда.

– И что ты услышал?

– Что с тобой нельзя вести себя таким непристойным образом, – одариваю коротким касанием безымянный палец и мизинец, на миг погружая в рот одну фалангу, а после ухмыляюсь. – Но зато тебе со мной только так вести себя и нужно.

Мили тихо охает, когда я возвращаю её ладонь на свою грудь, но не оставляю невинно покоиться там, а спускаю её ниже и ниже, словно раскалённой кистью весь торс себе обжигая. Смотрим друг другу в глаза. Не разрываем немое состязание. Тяжёлые дыхания тоже ввязываются в бойню. Воздух во влажном пространстве трещит, запуская по венам смачную дозу экстаза.

– Марк, – с нотками паники в голосе произносит Мили.

Она вконец осознаёт, куда именно я веду её маленькую ладошку. Пытается вырвать руку из моей хватки, но безуспешно. Я держу крепко, возможно, даже причиняю боль. Но по*уй. Не отпущу. Пусть рыпается, сколько хочет. И ударить больше не получится. Попытку залепить мне по другой щеке я улавливаю и быстро пресекаю, захватывая в плен и второе запястье тоже.

– Марк, остановись, – скулит милашка, лихорадочно выискивая в моём лице намёк на отступление. Наивная.

– Нет. Это ты лучше расслабься. Сама же об этом мечтала, не отрицай.

И надо же: Мили не отрицает. Умничка. Вообще больше не говорит и слова. Ещё один плюс. А когда она, как и полагается послушной девочке, расслабляется, переставая вырываться, я нарадоваться не могу.

Ещё пара секунд, наши руки на десять сантиметров ниже, и мы добираемся до резинки моих шортов. Огонь. От одной лишь мысли, что Мили сейчас мне подрочит, член дергается и твердеет ещё больше. Кожу окатывает жаром в разы хлеще, чем это происходило в бане.

– Не бойся и обхвати его, – твёрдо высекаю, вынуждая и без того огромные глаза девчонки стать ещё больше. Запускаю руку милашки в шорты и стискиваю челюсти до скрежета. – Бля, Мили, – громко сглатываю и от кайфа непроизвольно прикрываю глаза, пока ладонь Мили застывает на мне на несколько обалденно-горячих секунд.

Я пользуюсь ими, чтобы свыкнуться с неадекватно острыми ощущениями, а взволнованный ангел – чтобы побороть пунцовое смущение, наверное. Не знаю. Ни черта сейчас сообразить не получается. А стоит девчонке отмереть и задвигать рукой, то всё… мозги всмятку, сердцебиение по максимуму, а мой член в нирване.

– Тебе нравится? – робко спрашивает Мили, несколько раз проводя вверх-вниз по всей длине члена.

– Очень, – столкнув нас лбами, с хриплым стоном выдыхаю я, хотя это слово совершенно не описывает степень моего удовольствия.

– А так? – она сильнее сжимает ладонь и ускоряет движения.

– Да, – больше я уже выдавить ничего не способен. Дальше следуют только мои сдавленные стоны. С каждым вдохом они становятся несдержаннее и громче, дыхание – чаще и труднее. Мысли путаются, исчезают, напряжение в паху достигает апогея.

Ещё несколько секунд, несколько движений, и я кончу. Вот так быстро. Как малолетка. Меньше, чем за минуту. Обалдеть просто!

И в следующий миг я натуральным образом обалдеваю. Так, как никогда в жизни этого не делал. Но отнюдь не от улётного кайфа, как вы могли подумать, а от простреливающей всё тело боли. Аж глаза из орбит выкатываются, а вместо стона из моего горла вылетает вой. Сдавленный. Протяжный. Жалобный. Как у раненого животного.

– Думаю, так тебе тоже должно нравиться, – цедит невинный «ангелочек», со всей силы сдавливая мои яйца в ладони.

Я ничего сказать не могу, подвигаться – тоже. Агония охватывает не только всю область паха, но и все конечности.

– Я же сказала: со мной так нельзя, Эндрюз! Я не такая, как все твои девушки.

Да уж, конечно, не такая. Вообще без базара. Так мои яйца ещё никто не обижал.

– Но, наверное, тебе нужно остыть, чтобы до тебя наконец дошёл смысл моих слов, – выдаёт она не столько со злостью, сколько с порицанием, будто строгая мамашка, отчитывающая непослушного сына. Только вот методами воспитания Мили совсем не мамскими пользуется.

Напоследок ещё сильнее сдавив моих бедолаг, Мили наконец дарует им свободу. Пользуясь моментом моих мучений, сильно толкает меня в грудь и врубает душ, обрушая на мою голову ледяной шквал воды.

Начинаю выть и материться не только от адской боли, но теперь ещё и от холода, и реально, словно подстреленный лось, заваливаюсь боком на стену и скатываюсь по ней, наблюдая, как дохлая сучка со всех ног улепётывает из предбанника.

Злюсь ли я?

А вы как думаете?

Я, сука, в гневе! И это слабо сказано. Ещё никто никогда меня так не обламывал и не удивлял, отчего, помимо злости, я испытываю, удовлетворение. По истечению первой самой адовой минуты боли оно поднимается к горлу и вырывается наружу в виде смеха. Громкого, раскатистого, отскакивающего эхом от кафельной плитки на стенах.

Да-да. Я валяюсь на мокром полу, прижимаю ладонь к пострадавшим яйцам и ржу во весь голос. Та ещё картина. Но как есть, так есть.

Кто бы мог подумать, что такой внешне невинный божий одуванчик способен постоять за свою честь таким жестоким способом. Я уже молчу о том, что дрочила Мили если не на пятёрку, то на четвёрку с плюсом точно. Как будто для неё это было далеко не в первый раз. И это наводит меня на мысль, что я мог ошибаться насчёт её неопытности. Эта девчонка не такая невинная, какой показалась мне на первый взгляд. И это всё меняет. Кардинально.

Придя в себя от боли и уняв смех, я поднимаюсь на ноги и выхожу из предбанника как раз в тот момент, когда туда порываются войти Коул и Джаред. Они впиваются в моё лицо взглядами и спустя пару секунд одновременно разражаются хохотом.

– Что ржёте, придурки? – недоумённо хмурюсь, а когда поворачиваюсь к зеркалу, на левой щеке замечаю насыщенный красный отпечаток Милиной ладони.

Пи*дец обхохотаться можно. Знали бы парни, какого цвета у меня яйца, точно от смеха подохли бы.

– Я же говорил, что с ней Марку ничего не светит. С тебя сотка, Коул, – сквозь хохот выдавливает Джаред, ощутимо выбешивая меня.

Мало того, что эти дебилы за моей спиной поспорили, так ещё и Мили становится известно об этом споре.

Я понимаю это сразу же, как перевожу на неё взгляд. Насупившаяся милашка сидит на диване вместе с Кэт всего в паре метров от нас и смотрит на меня влажными глазами. Теперь в них нет ни злости, ни осуждения, а только одна эмоция отчётливо мерцает, которую я видел в своей жизни неоднократно…

Разочарование.

Но, прости, детка, это лишь твои проблемы – невербально транслирую ей свои мысли.

Я не виноват в том, что Мили, как и многие другие девушки, нарисовала в своей голове мой идеальный образ, которого в действительности не существует. Я не виноват, что не оправдал её девчачьи надежды. И пусть я понятия не имел о том, что друганы решат поспорить, я не собираюсь в этом убеждать Мили. И уж тем более оправдываться перед ней. Какой-то тупой мальчишеский спор – это пустяк, на который вообще не стоит обижаться. Я могу задеть и похуже. Гораздо-гораздо хуже. И непременно сделаю это. Иначе я не умею.

Остаток вечера проходит спокойно. Решив дать Мили время остыть и, как следует, пожаловаться на меня подружке, я зависаю с пацанами, ещё три раза захожу в баню, а после окатываю себя ледяным душем, надеясь хоть немного унять физическое напряжение, но ничего не выходит. Пока Мили маячит перед глазами, соблазняя своими большими сиськами, расслабиться не получается. Особенно, когда то и дело замечаю, что на её пышные формы залипают и другие парни. Даже, бля*ь, Анри пару раз залип на них, пока Кэт этого не видела. Один только Лукас кремень. До конца наших посиделок полностью игнорировал присутствие Мили. Молодец. Со второго раза-таки поверил моим угрозам.

После окончания бани заваливаюсь в предоставленную мне спальню и принимаю нормальный душ. Подрочить хочется жутко, но я сдерживаюсь, ибо у меня сегодня на ночь более грандиозные планы.

Не думали же вы, что я так просто спущу Мили с рук её выкрутас. Мои яйца даже спустя несколько часов начинают болезненно ныть, стоит только вспомнить, как эта милаха их сжала. Брр… Нельзя же так. С этими нежными ранимыми созданиями нужно обращаться аккуратно, с трепетом и любовью. Целовать, поглаживать, язычком полировать, но точно не сдавливать. И сегодня я настроен дать Мили это понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mayron_tori/vlyubis-v-menya-pod-muzyku

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить